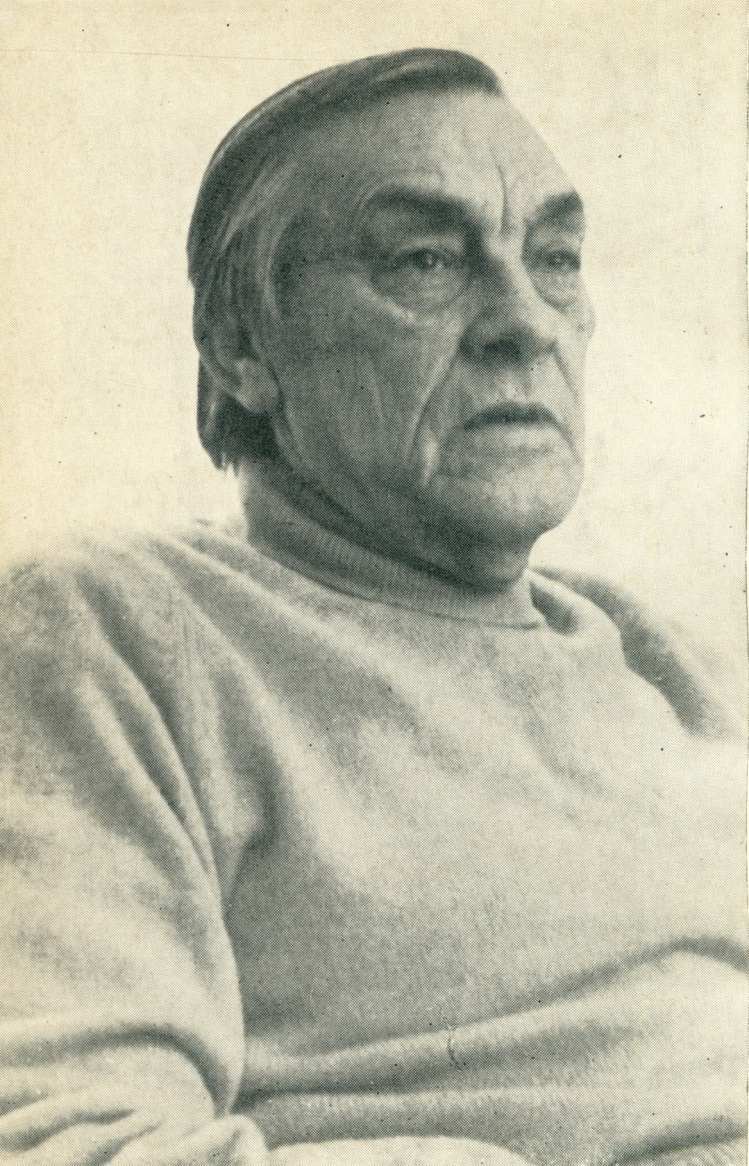

АРСЕНИЙ

ТАРКОВСКИЙ

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

ПОЭЗИЯ
ГРУЗИИ
ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕРНИ»

ВОШЛЕБНЫЕ
ГОРЫ

ТБИЛИСИ 1978

Г2+Р2
899.962.1—1+1+891.71—1
Т 199

Составители:

Т. Озерская и М. Синельников

Т $\frac{70402-3-136}{М 604(08)-78}$ 134—78

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕРАНИ», 1978

ПРЕДИСЛОВИЕ

Музыка грузинской темы вечно звучит в русской поэзии, и нельзя не отозваться стихии, пробужденной громкими именами Пушкина, Лермонтова, Полонского... Нельзя не опознать Пастернака в легендарном пешеходе, занесенном в «сумерки Тифлиса», не зажечься вдохновением Заболоцкого в ночных садах Пасанаури, не повторить слова Тихонова над «серебряной водой» Алазани.

Грузинские стихотворения нашего современника Арсения Тарковского впервые собраны для этой книги. Неожиданно они соединились в какую-то новую повесть о судьбе поэта — смутно знакомого прохожего, потерявшегося в ненастном дне старого города...

В переулке твоём
В этот час непогожий
Я — случайный прохожий
Под холодным дождем.
В этот час непогожий,
В час, покорный судьбе,
На тоску по тебе
Чем-то странно похожий.

Без этих стихов Тарковского, без этих страниц особой жизни, прожитой в Тбилиси, в Грузии, не хватало бы цельности нашему сегодняшнему представлению о творчестве поэта, которого в последние годы посетила не то чтобы «поздняя зрелость», но — поздняя слава.

Поэтические переложения грузинской поэзии, осуществленные Арсением Тарковским, без преувеличения — целая эпоха в истории русской школы перевода. А. А. Тарковский известен, как замечательный переводчик восточной классики. Наибольшее признание завоевали его переводы из туркменской (Махтумкули), каракалпакской (эпос «Сорок девушек») и арабской (Абу-аля аль Маари) поэзии. Эти три книги — краеугольные камни... Сейчас следует назвать и четвертую книгу того же уровня — стихи грузинских поэтов, переведенные за сорок лет. В сборнике «Волшебные горы» впервые объединены по сути дела все грузинские переводы Тарковского. За четыре десятилетия Тарковский перевел в Грузии меньше пяти тысяч строк, и «количественно» он «уступает» другим «ведущим» переводчикам. Все же пять тысяч поэтических строк это немало... Однако среди всех пяти тысяч не сыщешь строки пресной и пустопорожней. Тарковский переводил то, что было близко его душе. Черты, отличающие его переводной слог, — высокое напряжение подлинного вдохновения, твердость и точность строгого мастерства, прекрасная ясность. И необыкновенная близость к духу и смыслу подлинника. И умение передать интонационную неповторимость каждого переводимого поэта, облечь словесной плотью самую суть, сущностность его творчества.

Пословично лаконичен и ярок стремительный

диалог хевсурской женщины и пришельца в старинном народном стихотворении («—Кто твой муж? Каков он с виду?»). Торжественно-высок и полон молитвенной скорби голос Григола Орбелиани («Лик царицы Тамары в Бетанийском монастыре»)...

Прекрасны и своеобразны воссозданные в русском стихе Тарковского поэтические миры Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Карло Каладзе. Вот — «Голос у Голгофы» Ираклия Абашидзе, стихотворение потрясающей силы... И «Даркветская луна», «Град», «Пускай безумцем буду я для мира...» Григола Абашидзе. И его же стихотворение о вдове древне-грузинского правителя Дзеваха... С отрочества звучат в моей памяти царственные строки:

Твоего отгоревшего счастья
И биения крови твоей,
Может быть, не забыли запястья,
Виноградины пыльных камней?

И корневая кряжистая сила, музыка народного слова в сванских стихотворениях Реваза Маргиани. И «Омар Хайам» Анны Каландадзе... Может быть, пока — единственный удавшийся русский перевод из этого поэта.

...Уже десятилетие Тарковский переводит лирику Важа Пшавела, работает медленно и упорно. В этом сборнике — тридцать переводов из лирики Важа, и среди них — такие бросающиеся в глаза удачи, как «Старый лев», «Бакури», «Песня старика», «То, что видел я когда-то...».

Рафиэл Эристави и Галактион Табидзе, Сандро Зули и Иосиф Нонешвили, Сандро Шаншиашвили и Михаил Квливидзе... Вот и все. Несколько произведений фольклора, стихи четырех старых грузин-

ских лириков и двенадцати поэтов советской Грузии. Но почти всё это — антологические образцы, да без этих переводов и не составить достойной грузинских поэтов русской антологии.

«Волшебные горы»... Теофиль Готье заметил, что бывают немногие «счастливые» названия книг, которые «труднее подыскивать, чем это думают». Думается, что непритязательное с первого взгляда название новой книги Арсения Тарковского не чуждо поэзии и многозначно. В его звучании — не только вера в чудо, свойственная художнику, не только любовь к горам Кавказа, с которыми сроднилась Тарковского и общая судьба русских поэтов и собственная родословная. В этом названии слышится и тяга к эпосу, к мифу и какое-то чуть уловимое соотнесение с книгой величайшего мифотворца столетия Томаса Манна. И обращение к тому огромному синтезу мировой культуры, который был достигнут в малом географическом пространстве и в долгом историческом времени родины Важа Пшавела. У русского поэта возникло чувство причастности к этой культуре и к этой стране, желание быть ее гостем, другом, братом...

Михаил Синельников

ПОЭЗИЯ ГРУЗИИ

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

ЦАРЬ ДАВИД СТРОИТЕЛЬ

Слаблю деянья Давида правителя,
Слаблю даянья руки величавой.
Громкие подвиги, мудрость Строителя
Да увенчаются вечною славой.

Дольные помыслы наши постигнуты
Были царем с высоты несравненной.
Странноприимные дома воздвигнуты:
Высится памятник силы нетленной.

Строит ограды, мосты, укрепления
И пролагает дороги по склонам,

В дальнюю Грецию благоволение
Шлет он, прославленный, нашим ученым.

Приобретают в Афинах познания
Все, кто Икалто обучены ранее.

Воздадим хвалу героям,
Воздадим хвалу грузинам,
Разметавшим вражье войско
По затопленным низинам!
Поглоти врагов, Арагва,
В правой битве помоги нам!

Гела смотрит на дорогу,
Молвит: «Копит враг обиду!».

Наш Георгий Базалетский,
Как скала, был крепок с виду;
Пастуха позвал Георгий,
Наставлял его, как сына,
И поклялся тот всевышним
Перед ликом господина:
«Я пошел на луг и вижу:
Вождь лезгинский мне навстречу.
Я его под сердце ранил,
Я с колена бил картечью».

«Горе мне! — сказал Георгий: —
Видно, целился ты мало;
У тебя ружье на славу.
Если б в цель картечь попала, —
Тот лезгин с земли не встал бы,
Изошел бы кровью алой!»

Лег туманной пеленою
Сон Георгию на очи,
В чистом небе гром небесный
Разразился о полночи.
На Георгия лезгины
Навалились туча тучей.
Одного схватил Георгий,
Поразил рукой могучей.
Рот, как дрозд, лезгин сраженный
Раскрывает, умирая, —
Из груди торчит кинжала
Рукоятка роговая.

Поглядишь, мелькает быстро
В колесе бегущем спица,
А еще быстрее Георгий
На коне в Манглиси мчится.
Он врагов, как сучья, рубит.
Кто его храбрее в мире?

Беруа хвалу слагает,
Получается — шаири.

Подадим друг другу руки
И друг друга клятвой свяжем.
Поглядим-ка на дигомцев,
Слово доброе им скажем!

Как пошли на брань дигомцы —
Стон стоял над горным кряжем!
Люди двух вождей неверных
Выбегают из засады,
В их руках дымятся ружья —
Ясеновые приклады.
Рану щупает Георгий,
Кровь бежит из-под ладони.
А в Манглиси днем и ночью
Строят храм на горном склоне,
Похоронят в нем лезгинов,
Перебитых в день погони.

Вот лежит Георгий, словно
Отдыхает перед боем,
А в устах клубятся черви:
Мы лицо ему прикроем.

Я сложил хвалу стихами
Нашим доблестным героям.

СМЕЛЫЙ ВОИН

Волк, орел и смелый воин —
Не приучишь их к рукам;
Век не станет волк ягненком,
Молодой орел — цыпленком,
Воин доблестный — ребенком.
Отряхнется волк, спокоен,
И пройдет по горам;

На скале орел проснется,
Над долиною взовьется —
Есть добыча по когтям!
Только слышен клекот орлий:
Не застрянет мясо в горле.

Если впрямь отважен воин,
Пусть холодная броня
Ляжет вмиг ему на плечи,
Пусть он слух свой перед сечей
Оградит от женской речи;
Если славы он достоин,
Пусть он падает с коня,
Пусть от раны умирает,
Пусть над ним жена рыдает:
«Воин мой забыл меня!».
А беглец с женой в постели —
Труса пули не задела.

Смелый воин рвется к бою —
Защищать страну свою;
Трус останется с женою —
Целовать жену свою.
Смелый вновь на шашку смотрит:
Затупилась или нет?
Трус на грудь жены посмотрит:
Покорилась или нет?

В ЯМУ ВЫСЫПАЛ Я ПРОСО

В яму высыпал я просо,
Чтобы просо сохранить.
Просо я достал без спроса,
Чтобы просо подсушить.
Стала птица рядом виться,
Чтобы зернышко стащить,
Взял я палку — да за птицей,
Чтобы птицу проучить.
Полетела в замок птица,
Чтобы князю доложить.
На коня слуга садится,
Скачет кров мой разорить.
Я с быком простился красным,
Чтобы князя накормить.
Я с вином простился красным,
Чтобы князя напоить.
Отнял черную корову,
Отнял белого коня,
Отнял князь в одну минуту
Все, что было у меня.

ИСТРЕБЛЕНИЕ КНЯЗЕЙ АРЕШИДЗЕ

I

Двух князей Арешидзе
Мы крепостными были:
Пусть же огонь господень

Кости их жжет в могиле.
В годы нашей печали
Вдов князя обижали,
Жен целовали наших,
Бога не поминали.

Небо! Храни Звиада,
Храброго Лобжанидзе.
Сердце его порадуй
Щедрой твоей наградой.
Был не женат Звиада.
Встретив молодожена,
Строгий взор Лобжанидзе
Вспыхивал раздраженно.
Молвил Звиада, хмурясь:
«Жалкий раб господина!
Кто ты, скажи, гебинец:
Баба или мужчина?
Как же ты смотришь прямо,
Не опуская взора,
Столько изведав срама,
Столько приняв позора?
Иль по своей охоте
Только что от венчанья
Жен своих отдаете
Князю на поруганье?»

Вижу: гебинец связан
Княжескою рукою.
Разве он не обязан
Сердцем стремиться к бою?
Он ослабел со страху,
Клонится перед князем.
Пусть же ваш гнев с размаху
Недругов бросит наземь.

Больше призывы мести
Мы заглушать не вправе.
Действуйте! Вам известен
Гагния-моурави.
Наших жертв доброхотных
Он отвергать не станет;
Пусть лукавый охотник
Зверя в овраг заманит.
Будем стоять на страже.
Выпустим стрелы. Верьте:
Место охоты княжьей
Станет им местом смерти».

II

Верят гебинцы силе,
Слово Звиада ценят,
Гагния пригласили,
Крепкие вина пенят.
Чествуя, одарили,
Все рассказать посмели, —
Он обещал гебинцам
Помощь в отважном деле.
Гагния супит брови:
«Завтра будет охота.
Хлынут потоки крови
В поле у поворота.
У поворота в поле
Ждите меня с князьями
Возле моста, доколе
Ночь не взойдет над вами.
Буду порой ночью
Я на мосту горбатым,
А за моей спиною —
Князь Арешидзе с братом.

Цельтесь, гебинцы, лучше,
Душу мою щадите,
Зверя стрелой певучей
Бейте из-за прикрытий».

Гагния, озабочен,
Темной спешит тропую;
Вооружась, гебинцы
К полю идут толпою.

Ночь клубится у самых
Гор, покрытых лесами,
Гагния входит в замок
И говорит с князьями:
«Время идти за зверем:
Видел я турье стадо.
Луки свои проверим.
Нам торопиться надо.
Видел я сон хороший:
Коль теперь снарядимся,
Утром с тяжелой ношей
В замок мы возвратимся».
Но господа сказали:
«Ночь на уступах горных.
Наши сердца в печали
От сновидений черных».
Молвил один: «Мне снилось,
Будто я плачу кровью,
Плачу, а смерть склонилась
К самому изголовью.
Ночь глядела из бездны,
Мнилось — я помешался,
Тщетно посох железный
Я удержать старался.
Но стрелой ядовитой

Грудь мне пронзили вскоре.
Наземь я пал, убитый.
Горе, Гагния, горе!
Вот этот сон, который
Вижу досель воочью.
О, мой Гагния! В горы
Страшно мне выйти ночью!»
«Молвить позвольте слово,
Князь мой! Ваш сон последний
Не предвещает злого,
Божьей клянусь обедней!
Значит ваш сон, что много
Зверя убьем на скалах.
Тихо пойдем дорогой,
Трое стрелков усталых.
Кончив охоту эту,
Зверя взвалив на спины,
Посохи взяв, к рассвету
Путь свой закончим длинный.
Если же толкованье
Сна от правды далеко, —
Правое в наказанье
Выколите мне око».

III

Тут князя Арешидзе,
В сердце смилив тревогу,
Выпили понемногу,
Выступили в дорогу.
Слышен в глухом ущельи
Шепот нетерпеливый:
Там гебинцы засели,
Ждут, натянув тетивы.
Господа недалеко,

Клонятся травы зыбко.
Зоркое смотрит око,
А на губах — улыбка.
Им — Звиада:

«Не будем
Муки множить на муки.
Пусть же не дрогнут руки.
Крепче держите луки.
Враг на мосту. Заплатим
За года униженья
Сразу обоим братьям
Смертью без погребенья».
Дрогнула ночь от клича —
«Бейте господ!»

При звездах
Стрелы, как стая птичья,
Ринулись в черный воздух.
Если господство княжье
В черную пропасть канет,
Неужели Звиада
Новым владыкой станет?

Старший убит на месте.
Мертвое смотрит око.
Младший — стрелюю местн
Ранен, но не глубоко.
Вырвав стрелу из бока,
Слыша крики погони,
Бросился Арешидзе
В водоворот Риони.
Рокот на перекатах,
Пена кипит седая,
Множество стрел пернатых
Вьется, не долетая.

Звезды меркнут на небе.
Князя несет течение.

IV

Дом за оградой, в Геби
Есть на краю селенья.
Там, у дороги в горы,
Бедные люди жили:
Мать-старуха и хворый
Сын — Гавашелашвили.
Входит мать Гулитада:
«Что случилось такое?
Что же гебинцам надо?
Берег покрыт толпою.

Точно кипит селенье.
Падают в воду стрелы».
Хворый по вдохновенью
Сразу понял, в чем дело.
«Знаю, какого зверя
Травит гебинец смелый.
Пусть принесут носилки,
Лук мне дадут и стрелы,
Пусть на берег горбатый
Люди идут со мною,
Чтоб господин проклятый
Канул на дно речное».
Подняли Гулитада
И принесли к Риони.
Взор его острее взгляда
Молнии разъяренной.
Он привстал, подымая
Лук на большое дело,

●

По Самгори — полю чистому —
Едет юноша пригожий,
Едет юноша, на сокола
И на ястреба похожий.

За конем хромая девушка
Ковыляет, причитая:
— Возвратись, пригожий юноша
Не гляди, что я хромая.

Ты ж меня по следу лисьему
Не погонишь, как борзую?
Сына выношу я статного,
Дочь рожу я не хромую.

И ткала бы я, и пряла бы,
Подходила бы с поклоном,
И в твои карманы золото
Я бы сыпала со звоном.

Засверкали бы, как зеркало,
У тебя на полке плоски,
К чохе праздничной пришила бы
Я бубенчики-застежки,

Я пекла бы хлеб, спешила бы,
Ожиданьем не томила бы...

— Кто твой муж? Каков он с виду?
Я из дерева сухого
Родичам его в обиду
Мог бы вырезать такого!

За водой ходил студеной,
Косы я твои увидел,
Да меня твой отведенный
Взгляд, красавица, обидел.

Шла ты мимо скал отвесных,
На ходу носок вязала,
Слезы, чище рос небесных,
На вязанье проливала.

Дам тебе, моя отрада,
У креста Лашари слово:
Мне другой жены не надо,
Не желай и ты другого!

— Я клянусь любимым братом:
Ты один мне нужен, милый,
Только спор вести с богатым
У тебя не хватит силы.

Ты меня украсть не пробуй:
Жаль тебя. На горе наше
Не буди людскую злобу.
Ты лицом рассвета краше.

А у мужа наготове
Меч, добычу стерегущий, —

Мне дадут отведасть крови,
По твоим плечам бегущей.

Уходи! Когда бы жалоб
Я твоих не услышала,
Я носки тебе связала б,
Окаймила ниткой алой.

— Пусть меня умчит в долину
Конь, на кречета похожий,
Сгинет конь, и сам я сгину —
Мне и гнев не страшен божий.

Научусь чеченской речи,
Называться Никой буду,
Грубошерстную на плечи
Ткань надену, мать забуду!

Мужа твоего десница,
Отсеченная, нужна мне,
Чтобы кровью ей сочиться
На чеченском черном камне!

— Погляжу, ты смелый воин,
Но тебя мой муж смелее;
Как тростник, ты станом строен,
Но тебя мой муж стройнее.

Он, как молния, примчится,
Он, как вихрь, тебя догонит,
Франкский меч твоя десница,
Отсеченная, уронит!

●

Я иду по степи Ширакской,
По степи меня ветер гонит.
Мотылек сидит на дороге,
Крылья алые долу клонит.

Так и платье любимой ало.
Защити меня, боже правый!
О, как тяжело, когда другому
Бросит милая взор лукавый.

Я окинул Алвани взором,
Другом стал я пустым просторам...

НАДУРИ

Оделия, оделия, оделия, ой!
Пади, беда, на головы моих врагов спесивых.
Да будут громки подвиги моих друзей счастливых.
Да будет хлеб — как золото — на плодородных нивах.
Оделия, оделия, охочой, ой.
Я встал сегодня до свету и застрелил фазана.
Хвала мотыгу взявшему и вышедшему рано.
Оделия, оделия, оделия, ой.

Дом я видел — радость глаза.
Обошел его три раза,
Нет ни двери в стенах белых;

Семь засовов заржавелых,
Семь засовов предо мною.
В стену стукнул я ногою,
Внутрь вошел, — стою и вижу:
Рядом лев разлегся рыжий, — ой, —
А над ним — пригожий конюх, — ой, —
Держит мясо на ладонях.
Льва корми, пригожий конюх:
Лев зачахнет, лев иссохнет.
Если этот лев издохнет, — ой, —
Мяса есть вовек не стану,
Кроме утки и фазана, — ой, —
Шапки я носить не стану,
Кроме той имеретинской, — ой, —
Что когда-нибудь достану, — ой. —
Оделия, оделия, охохой, ой.
Малый след нашел я в поле, — ой. —
Ходит мелкий зверь на воле, — ой. —
След я видел пред собою, — ой, —
Вел меня он к водою, — ой, —
Только зверь хотел напиться,
Глянул я, а это птица, — ой. —
Встрепенулась предо мною
Да на дерево сухое, — ой. —
Я рукой хватаю птицу, — ой, —
Начинает птица биться, — ой. —
Сойка старой оказалась,
Пробудила в сердце жалость, — ой: —
— Отпусти меня, седую,
Службу сослужу большую,
Полечу я к Тинатине, — ой, —
От нее носить я стану
Каждый вечер по каштану, — ой. —
Оделия, оделия, охохой, ой.

ПЛУГОВАЯ

Плуг рука твоя водит,
Мтрета — бык твой могучий.
Пусть погонщик уходит:
С Мтретой сладишь ты лучше.

Песни в дружбе с тобою,
Пой одну за другою.

Шею глажу я плугу.
Плуг мой, сердце порадуй,
Дай мне, верному другу,
Много хлеба в награду.

Плуг гянджинский скрепили
Кожей из Эривани,
За быка заплатили
Много денег в Мухрани.

Плугу силы придать бы
Помогло бы нам небо,
Напекли бы на свадьбы
Много белого хлеба.

Черных борозд с рассвета
Провели мы без счета.
Вспашем полосу эту
И закончим работу.

Нету поля длиннее,
Тяжко долгое дело.
Мой обед поскорее
Принесла бы мне Лела.

Дышит трудно и шумно
Мудрый бык в нетерпении:
«Пусть утаптывать гумна
Возвращусь я в селенье».

Гей, мой буйвол рогатый,
Терпеливое чудо,
Я тебе не вожатый,
Я подросток покуда.

Шею глажу я плугу:
«Отдыхай же на воле,
Шестьдесят раз по кругу
Обошедший все поле.

Мы с тобою на диво
Это сделали дело:
Что за бык терпеливый,
Что за пахарь умелый!»

Люб мне плуг мой тяжелый
И погонщика пенье,
Люб мой отдых веселый
Под древесною тенью.

Такова моя доля —
Петь всегда «оровела»,
Если вспахано поле,
Значит, сделано дело.

Плуг, ты землю взрезаешь
Неизбывною силой,
Хлебом нас одаряешь,
А умерших — могилой.

ГРУЗИНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Григол Орбелиани

ЛИК ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ В БЕТАНИЙСКОМ МОНАСТЫРЕ

Светит мне святой
Лик высокий твой,
Затаивший прелесть неземную;
Сердцем трепеща,
К синеве плаща
Льну в слезах, стопы твои целую.

В черный день скорбей
Радуюсь твоей
Тишине, лучистое виденье.
В безысходном сне
Снизойди ко мне,
Заглуши Иверии паденье!

Край цветущий твой,
Силой роковой
Твоего величия лишенный,
На пути обид

Никнет и скорбит,
Гнетом лихолетья помраченный.

Низведи твой свет,
Солнце древних лет,
Жительница горнего чертога,
Защити твой край,
Сгинуть нам не дай,
В день печали прогневившим бога.

Горестен и тих
Я у ног твоих, —
Не отвергни моего моления!
Вдовый твой народ,
Твой избранник, ждет
Снова твоего благословенья,

Чтобы край отцов
На владычный зов
Встал из гроба меж держав державой,
Церковью святой,
Речью золотой,
Мудростью украшенный и славой.

Воскреси наш слух,
Укрепи наш дух,
Нашу ревность оживи сыновью,
Чтобы снова пел
Мощь великих дел
Руставели, движимый любовью.

Укажи пути,
Душу просвети,
Растопчи, царица, сумрак ночи!
— Но твой взор исчез

В синеве небес,
И меня твои не видят очи.

Кто я пред тобой!
Обречен судьбой,
Я отравлен горечью сомнений,
Ибо от меня
На закате дня
Отлетел надежды светлый гений.

Что распалось в прах,
Нам и в небесах
Не предстанет красотою слитной.
Где нам отыскать
То, что отнял тать,
Ворон взял добычей беззащитной?

Лживый, темный мир!
Вероломный мир!
Он померкнет пред лицом печали.
Тщетно — неживой
Дом пустынный твой
Мы твоим величием населяли!

Превышая лес,
Достигал небес
Этот храм, затихший сиротливо,
Где, как сон, возник
Светозарный лик,
Выведенный кистью терпеливой...

**ПЛАЧУЩЕЙ
НИНЕ ЧАВЧАВАДЗЕ**

Почему печальна ты,
Почему ты плачешь, Нина?
Если не одни мечты
Горя твоего причина —

Ты на грудь ко мне приди,
Я приму твои печали,
Чтоб они в моей груди
Слезы горькие рождали.

Мне милей твоя краса,
Если плачешь ты, мечтая:
На глаза твои роса
Набегает неземная,

Круглый катится жемчуг.
По ланитам цвета розы.
Жаль мне будет, если вдруг
Перестанут литься слезы.

НА ЧУЖБИНЕ

Бледные лучи свои роняя,
Двигается владычица ночная,
И по кругу спящий небосвод
Над землею спящею плывет.
Тихо все. В листве заснули птицы,
Ветер спит, трава не шевелится,
Благостным покоем осенен,
Спящий мир блаженный видит сон.
Здесь один я плачу поневоле...
Сердце так болит не оттого ли,
Что другой мне снится небосвод,
Где река не этих звезд течет;
Что когда-то на меня глядело
Небо материнского придела;
Что иначе брезжило оно,
По-иному тишины полно...

Женщина прекрасная со мною
Говорила раннею весною:
«Юноша печальный! Неужели
Ты не слышишь, как ручьи запели?»

Погляди, как на земное лоно
Золото струится с небосклона!»
«Не растает лед моей печали,
Как бы очи солнца ни сверкали,
Слезы под горячими лучами
Не прольются щедрыми ручьями!»

Юность, где сладость твоя? Где живые усылья,
Страстное сердце влекущие к яркому раю?
Чувства ограблены, рано подрезаны крылья,
Ветвью безлистной я в пору весны поникаю.

Юные сны расточились, как легкие тени,
Юное сердце покинуто верою ранней,
Радость убита холодным дыханьем сомнений.
И облетели цветы молодых упований.

Тщетным огнем неземную любовь называя,
Крылья подрезал мне разума вкрадчивый холод,
Чистого чувства померкла святыня былая...
Горе тому, кто в года молодые не молод!

●

Под бременем печали изнывая,
Не у людей ищу я утешенья,
Сама собой, свободная, простая, —
Приходит песня в горькие мгновенья.

Каких скорбей мы с ней не разделяли!
Она моей окутана тоскою.
Печаль ее сродни моей печали,
Столь милой мне, пока она со мною.

●

Пустую жизнь без вдохновения
Небесным даром не зови:
Она — земное порождение
И достояние земли.

Но если искрою нетленною
Твой подвиг западет в сердца,
Ты светом озаришь вселенную
И не изведаеть конца.

Хвала любви! Хвала бесстрашию!
Служителю добра — хвала!
Он пьет бессмертье полной чашею
В награду за свои дела.

●

Темно вокруг, и на душе темно,
И это сердце — холода жилище.
Ни в ненависти, ни в любви — равно
Душа моя не обретает пищи.

Боролся я с коварством и враждой,
Окрепла юношеская десница,
Терпел я поражения порой,
Но ни пред кем не пожелал склониться.

Не стоили моих усилий те,
С кем я боролся долго и напрасно.
Не засмеюсь я, внемля клевете,
И не заплачу горестно и страстно.

Темно вокруг, и на душе темно,
И это сердце — холода жилище.
Ни в ненависти, ни в любви — равно
Душа моя не обретает пищи.

НЕСКОЛЬКО КАРТИН, ИЛИ СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ РАЗБОЙНИКА

В небесах отчизны полог длинный
Сумрак развернул вечеровой,
А над Алазанскою долиной
Тени гор поникли чередой,

И, объятый царственной печалью,
Вышел месяц, и вершины гор —
Льдистые — с полупрозрачной далью
Начали неслышный разговор.

В этот час, безмолвный и печальный,
Звезды, трепетавшие во мгле,
Посылали миру свет хрустальный,
Радуюсь покою на земле;
И под этой лаской молчаливой
Дол притихший отошел ко сну;
Только ветер горный шаловливо
Нарушал лесную тишину.

Только Алазань, на человека
Гневаясь, роптала в полусне,
И гора, молчавшая от века,
Ей одна внимала в вышине.
Утомившись, будет вплоть до света
Спать все то, что трепетало днем...
Тяжело арба катилась где-то,
И скрипел песок под колесом.
Пел в ночи аробщик, и такую
Полон был ночной напев тоскою.
Что, как подорожный перезвон,
Он остался в сердце угнетенном,
И звучит он заглушенным стоном,
Но и скорбь рассеивает он.

Вылетел из-за деревьев конный,
Пред арбою осадил коня;
Смелый взор, печалью опаленный,
Полон горделивого огня.

— Где на гору Куди здесь дорога? —
Спрашивает всадник молодой.

— От реки возьми правей немного,
Дол проедешь конною тропой,
А потом дорогою широкой,
Поезжай да пред собой гляди;
Там уж и до Куди недалеко, —
Ты ее увидишь впереди.
Но что хочешь ты найти на Куди?
Лучше ты заночевал бы тут.
Сам Бгачиашвили, молвят люди,
Там в лесу нашел себе приют.
Ты на взгляд и юн, и смел, и в силе
Не уступишь сверстникам своим, —
Все же берегись Бгачиашвили:
Не пройдешь по Куди невредим.
Прячь коня, когда спешишь на Куди, —
Заприметит — не молись о чуде:
Пули злой Бгачиашвили злей,
Он с тобой повозится недолго;
Кровь за ним оставь, не требуй долга,
О расплате позабудь скорей.

В с а д н и к

И моя душа томится злобой,
Сердце гневом сумрачным полно,
Яростью мы одержимы оба.
Мне теперь на свете все равно!

И, красуясь, он коня пришпорил.
Соколом рванулся конь лихой,
Цокоту подков недолго вторил
Горный кряж за шумною рекой.

Зависти незванной не противясь,
Прошептал аробщик: «Вот счастливец!»
И вола ударил он в сердцах,
И, тряхнув с досады головою,
Двинулся дорогою глухою
С той же скорбной песней на устах.

Подле Куди темен лес высокий.
В том лесу разбойник одинокий
Находил пристанище не раз,
Там деревья гибелью грозили,
В том лесу Како Бгачиашвили
Скрылся от недружелюбных глаз.
Месяц побледнел и закатился.
Чутким сном разбойник позабылся
Под навесом сумрачной листвы.
Враг людей, он спал, отвергнут роком,
Конь его косит пугливым оком,
Под седлом стоит среди травы.

Листья трогал ветер осторожный,
Конь ретивый вздрагивал тревожно
И глядел в редеющую тьму.
И сначала конь насторожился,
А потом взметнулся и забился:
Звон подков слышался ему.
И тогда со взвившеюся гривой
На дыбы он вскинулся легко,
Разбудил, заржав нетерпеливо,
Господина своего Како.

И вскочил как лев Бгачиашвили,
Взвел курок бестрепетной рукой.
Подлетает всадник. Лошадь в мыле.

И ему Бгачиашвили: «Стой!
С чем явился: с дружбой иль враждою?»

Всадник

Успокойся, я тебе не враг.

Как

Если так — поговори со мною.
Будь к добру знакомство, если так.

Всадник

Я твой друг, коль ты Бгачиашвили.

Как

Что ты хочешь, всадник молодой?

Всадник

Чтобы мы одну судьбу делили,
Жить с тобой и умереть с тобой!

Как

Мне твое прямое слово мило.
Мы друзья. Да будет так всегда.

Всадник

Сердце ищет сердца, силы — сила,
И твоя беда — моя беда.

Како

Ты мой брат. От края и до края
Этот лес — владение мое;
Не страшна мне здесь вражда людская,
Хоть мое не заперто жильё.
Кров мой там, где ночь меня застала,
Сень любого дерева — мой дом.
Этот лес дарил мне счастья мало,
Но и горе было легче в нем.
Чутким сном забудешься, как заяц,
И во сне тебя терзает страх,
Голодаешь, в зарослях скитаясь,
День и ночь — оружие в руках.
Горе тем, кто принял жребий скудный,
Надоест покорствовать судьбе.
Все же легче бремя жизни трудной
Там, где мы хозяева себе.
У меня стальные побратимы,
И пока не наступил мой срок,
Мы взаимной верностью хранимы —
Я, винтовка, да еще клинок.
Да еще, как страсть неукротимый,
Конь мой верный, выращенный мной, —
Сколько вместе бед перенесли мы
В неприютной стороне лесной!
Верному коню не оступиться,
Не сробеть булату никогда,
Да и сам Како не побоится
Вместе с ними сгинуть без следа.

Вот какое у меня богатство!
И пускай врагов моих не счесть,
Верному в лесу — почет и братство,
Вероломному — вражда и месть.

Долгою была твоя дорога.
Беден мой приют. Сойди с коня
И за хлеб мой черствый слишком строго
Не суди, разбойника, — меня.

Всадник соскочил с коня, подругу
Отпустил, хурджин и бурку снял,
Заглянул в глаза коню, как другу,
На траву привольную пустил.
Как погнал коня он на потраву,
Сел он пред хозяином своим,
И пришелся гость Како по нраву,
Да и гостю стал Како родным.

Како

Ты прости мне мой вопрос нескромный:
Где ты, брат, услышал про меня?
Почему, скажи мне, в лес мой темный
Ты направил своего коня?

Всадник

Я тебя искал не уставая,
А услышать про тебя легко:
О тебе гремит молва людская,
Дети знают, кто такой Како!
Стар и млад твердят твое прозвание,
На тебя надеется народ,
О тебе правдивое преданье
И до наших правнуков дойдет.
Говорят, ты голову загубишь,
А неправды не перенесешь,
И простого человека любишь,
И защита бедняку — твой нож,

Диво ли считать счастливец братом?
Нет, не этим славен подвиг твой!
То ли дело — братство с небогатым,
Угнетенным горькою судьбой!
Если помнишь, так Арсен когда-то
Свято свой простой народ любил,
Он судьбу, печаль и радость брата
На груди бесстрашной приютил.
Люди, чтущие Арсена, правы:
Стоит он своей высокой славы,
Доброй матери его хвала!
Всякий рад бы вырастить такого,
Но Арсена не родить второго,
И не нам свершить его дела...

Я и вчуже был знаком с тобою.
Как мечтал принять я твой удел
И себя связать с твоей судьбою!
Но расстаться с домом я не смел.
Срок настал — и прогневил я бога:
На меня судьба взглянула строго...
Слушай, брат, я расскажу тебе
Все по правде, что со мною было,
Как меня беда с дороги сбила,
Прежде благодарного судьбе.
Слушай. Горе с детства мне знакомо:
Было мне двенадцать лет, когда
Оторвал меня наш князь от дома
И послал пасти свои стада.
И сначала тяжкий гнет печали
Я в разлуке выносил с трудом,
Слезы горькие не высыхали
На лице измученном моем.
Я томился в ту годину злую
И в мечтах все видел дом родной;

Позабыв свою печаль былую,
Пастухи смеялись надо мной.
Со слезами не было мне сладу;
Вечных слез и сам стыдился я:
Убегу от всех, на землю сяду,
Плачу, чтоб не видели друзья.

Но явило мне забвенью милость:
Сумрачное облако ушло,
Маленькое сердце прояснилось,
Мне не так уж было тяжело.
Видно, свыкся я с моею долей,
Песни петь, смеяться стал потом,
В чистом поле позабыл о воле
И не плакал, вспоминая дом.

О, как бестревожно проходили
Наши дни, слагаясь в круглый год!
Дружно мы с товарищами жили,
Знать не знали горя да забот.
Мы делили труд между собою,
Не лентясь, пасли свои стада,
И черед — кому идти в ночное —
Мы не нарушали никогда.

Помню, солнце за горой садилось,
Звезды усыпали небосвод,
К ночи стадо сытое сходилось,
Тут мы пересчитывали скот.

Скот привязан. На лесной опушке
Кто-нибудь костер уже разжег,
Мы приносим ужин свой да кружки
И садимся у костра в кружок.
Песня испугает о полночи

Птиц, заснувших в зелени на час,
Дрема ли нам затуманит очи —
Сказку скажет кто-нибудь из нас...

В просветлевшем небе золотая
Гасла предрассветная звезда...
В этот час будили, окликая,
Пастухов для нового труда.
Голосами оживляя дали
До подножий кряжей снеговых,
Мы от пут коров освобождали,
Напевая, погоняли их.
И трава клонилась луговая,
Разбредался тучный скот, мыча,
И слетались мы, как птичья стая,
Около студеного ключа.
Освежались влагой ледяною.
Горною водой смывая лень,
У ручья закусывали стоя,
Звонкой песней начинали день.
Мы бросали камни, в мяч играли.
К Алазани стадо пригоняли
В душную полдневную жару;
Стадо жажду утоляло жадно,
Мы в воде кипучей и прохладной
Заводили новую игру.

Мало ли что в отрочестве мило?
Где ж все то, что сердце веселило?..

Снова тихий вечер подойдет,
Вкруг костра усядемся мы снова,
И простое заиграет слово,
Каждый былль расскажет в свой черед.

Помню эти сказки золотые,
Сердце погружавшие в печаль...
И за них люблю я дни былые,
И за них мне отрочества жаль.
И одна из них, как мать родная,
Стала мне особенно мила
И звучит в душе, не умолкая,
Хороша, печальна и светла.

Наш Арсен—защитник наш—в преданье
Превратясь, дошел до наших дней;
Скорбь моя, отрада, улованье —
Наш Арсен, душа души моей!
Образом его благословенным
В отрочестве был я вдохновлен,
В сновиденьях я бывал Арсеном,
Да послужит нам примером он!
Расцветал я, отрок, в чуждом поле
И бесстрашен, и неукротим...
Забывая, что живу в неволе,
Не скучал я по местам родным.
Не было в душе моей беззлобной
Ни сомнений горьких, ни скорбей;
Думал я: на свете, мне подобно,
Все довольны участью своей.
Человек был крепкий, работающий
Мой отец. Он был из крепостных.
Ты его увидеть мог бы чаще
На любой работе, чем других.
Первым мой отец во всем селенье
Выходил на пашню. И добром
За труды его и за терпенье
Наполнял господь наш скромный дом.

Так дойти бы, не изведав горя,
Мой отец и до могилы мог,
Но принес ему обиду вскоре
Беспощадный и превратный рок.

Ненадежна участь крепостного.
Посмотри: мы счастливы сейчас,
А судьба уж ниспослать готова
Горе, убивающее нас.

Лишь нагрянут бедственные годы —
Все мгновенно разлетится в прах...
Нет, не должно участи народа
Находиться в княжеских руках!
Время шло меж тем своей дорогой,
Нам беду неверный рок сулил, —
Старился отец мой, и не много
Оставалось у бедняги сил,
Хоть к труду и в эти дни охота
В нем жила, но старость — злой недуг;
У него не спорилась работа,
И мотыга падала из рук.
Чем он глубже в старость погружался,
Тем яснее делалось ему,
Что лишь им одним весь дом держался,
Что достатка больше нет в дому.
Тело сохлось, сторбилось, устало,
И подкралась хворь исподтишка,
Жить отцу на свете трудно стало,
Лихорадка била старика.

Такова судьба простого люда,
Так уже от века повелось:
Ось погнется — и придется худо,
Колесо пойдет и вкривь и вкось.
Двадцать лет уже тогда мне было.

Не солгав, скажу: моим трудом
И моею возмужавшей силой
Укрепиться мог бы отчий дом.
Я у князя был. Отец, бедняга,
Ждал меня, и рвался я домой,
Но трудился я чужим на благо,
С обнищавшей разлучен семьей.
И, устав бороться с долей черной,
Мой отец, бессильный и больной,
Обратился как-то раз покорно
К нашему хозяину с мольбой.

Подлинно был лютостью отмечен
Гордый князь. Он был упрям и зол,
И неистов, и бесчеловечен, —
К просьбе старика не снизошел.
Многого и лучший князь не стоит,
Что распространяться о дурном!
Князь простых сердец не успокоит,
Не оплатит за добро добром.
Мой отец проговорил в смущенье:
— Князь, ты видишь немощи мои,
Возврати мне сына, он — спасенье
И надежда всей моей семьи.

Князь

Как ты смел?!

Отец

Помолимся мы небу
За тебя. Спаси нас, князь, пока
Не погибли мы. А там потребуй
Птичьего хотя бы молока!

И оброк, и барщину двукраты
Выполним. Хозяйство подкрепим,
Пред тобой не будем виноваты,
От работы мы не убежим.

Князь

А без этого ты убежал бы
И приказом нашим пренебрег?
Вот чего ты, старый пес, желал бы!
Как ты выдумать такое мог!

Отец

Я и в мыслях не имел такого;
Страшен мне твой гнев, но ты не прав.
Молви утешительное слово!
Как служить мне князю, обнищав?
Видит бог, я над собой не волен,
Я совсем лишился прежних сил;
Если б не был я и слаб, и болен,
Разве б я о сыне попросил?
Видит бог, я отдал жизнь работе,
Содержал свой дом, куда мог,
Днем и ночью я трудился в поте
Своего лица и — видит бог —
За трудом состарился до срока,
И душой и телом изнемог, —
Сын бы мне помог, а сын далеко,
Вот и бьюсь напрасно, видит бог.
Гибну я со всей семьей безвинно —
Ладная семья и ладный дом!
Благодетель, возврати мне сына,
Без него задаром пропадем!
Для того ль в нужде неодолимой

Я влачил свое ярмо, как вол,
Чтоб мой сын,—единственный, любимый
В черный день на помощь не пришел?
Чтоб мой сын, единственный, до срока
Стал как мертвый для своей семьи?
Князь, мой князь, не поступай жестоко
И седины пожалей мои!

Князь

Но кому же поручу я стадо?
Где такого пастуха возьму?
Мало ли тебе чего тут надо?
Провалиться дому твоему!
А коль ты не сможешь откупиться,
Я ж в убытке! Да рассыпся в прах
Весь твой дом! По мне, в руках синица
Лучше журавля, что в небесах.

Отец

Что твое — тебе и возвратится,
Верь мне, отработаем!

Князь

Уйди!

Отец

Если так — к кому мне обратиться?
Нищета и голод впереди.
Кто мне руку помощи протянет?
Как мне быть? Как справиться с бедой?
Хлеба где семья моя достанет?
Что мне делать, князь мой дорогой?

Князь

А по мне хоть сдохни! Надоело!
Бейся хоть о камень головой!

Отец

Благодетель, разве это дело!
Что за речь такая, бог с тобой!
Нам ведь тоже есть и жить охота,
Мы ведь тоже люди!

Князь

Пес дрянной!
Палкой я тебе напомню, кто ты!
Ты еще поговори со мной —
Погоди, мою узнаешь ярость.
Я на возраст твой не посмотрю.

Отец

Нищета мою терзает старость,
Гибну я и правду говорю:
Князь мой заживо меня хоронит.
Как бы мне помог Закро — мой сын!
Чье же сердце наше горе тронет,
Если равнодушен господин?
Сына мне призвать нельзя родного,
А когда я слезы лью скорбя,
Не даешь мне вымолвить и слова!
Вот какая правда у тебя!..

Так отец сказал. И речи эти
Принесли погибель нам двоим.

Лучше уж молчать на этом свете!..
Но отец тревогой был томим;
Чуть дыша, измученный безвинно
Непосильным бременем невзгод,
Зря он ждал добра от господина,
Злого и холодного, как лед.
Тут на старика наш князь безбожный
С чубуком, как буря, налетел!
А себе представить невозможно,
Чтоб отца и пальцем кто задел!

Отец

Как! Ты смел меня ударить?
Даром,
Что отец мой был и слаб и стар, —
В нем выиграла гордость, и ударом
Он ответил князю на удар.
«Розги, живо!» — крикнул князь.
Сейчас же
(Слушай, брат!) два княжских молодца.
У дверей стоявшие на страже,
Повалили моего отца.
Захлестали розгами в неволе
Старика! Клянусь тебе, мой брат,
Эти стоны ужаса и боли
Слух мой бедный до сих пор казнят!
Ни седины, ни болезнь, ни хилость,
Ни морщины бледного лица,
Ни людская, ни господня милость
Не были защитой отца.
И все это видел... —

Прошептали
Скорбные уста, и сам же свой
Глухо застонал Закро в печали

И замолк, поникнув головой.
Разъярен, вскочил Бгачнашвили,
На Закро обрушился, крича:
— При тебе отца родного били?
Ты его не спас от палача?
Молви, баба, что тебе шептало
Сердце? О, когда бы я там был,
Доконал бы я тебя сначала,
А потом и князя зарубил!
Ты глядел, как пили кровь живую?
Как в то время не померк твой взор!
Да падет на жалкую и злую
Душу труса вековой позор!
Сердцем низок, ты признаться смеешь
В мерзости своей? Ты — человек —
Для чего своим клинком владеешь,
Если им злодея не рассек?
С этой опозоренною шашкой,
В подлом сердце отчий плач храня,
Ты ко мне приходишь!.. Сердцу тяжело!
Не срами разбойника — меня!
И тебе ли думать о разбое!
Брось, приятель! Это нелегко.
Ты рожден, чтоб бабой жить в покое.
Уходи!

В с а д н и к

Не гневайся, Како!
Не брани меня, мой брат, безвинно:
Я не трус. Тверда моя рука.
И с Како я бился б, как мужчина,
Не позоря своего клинка!

Мой отец лежал, повержен наземь.
Засвистев, лоза рванулась вниз...
Чтобы тотчас не сквитаться с князем,
Я, как пес, себя терзал и грыз!
«Отомсти!» — внушал мне тайный голос,
Но другая мысль в душе моей
С жаждой мести яростно боролась:
Отомщу — и сворой палачей
Мой отец растерзан будет разом...
О, создатель! — по моей вине.
Как все это выдержал мой разум?
Как я в этом не сгорел огне?
Но когда полуживое тело
Скорчилось под пыткой, на мою
Душу пал туман и закипела
В жилах кровь. Я подбежал к ружью,
Чоха с плеч моих сама слетела,
Сам, как птица, вскинулся приклад...
Огненная вспышка прогремела,
Князю в грудь ударил весь заряд —
Ибо он поправ людское право,
Ибо он поправ людскую честь!..

К а к о

Твоему отцу — почет и слава!
А тебе — хвала, свершивший мечь,
Муж достойный! Гордость и отрада
Матери, чье молоко пошло
Впрок тебе! Да будет ей награда
В небесах! Мой брат, мне тяжело,
Безрассудные прости мне речи,
Мне теперь понятен подвиг твой,
Горький стыд мне грузом лег на плечи!..

Над моей склоненной головой
Волен ты...

В с а д н и к

Нет, похвалы не стоит
Сын несчастный, мстящий за отца:
Трус и храбрый мстью успокоят
Одинаково свои сердца.
И в упреках — преувеличенья,
И в твоей хвале... Не прекословь...
Но, тоскующему, исцеленья
Не дала мне княжеская кровь.
Неминуемая погибель сына
Не могла уже спасти отца.
Схватят, нет ли, — было все едино!
Что мне смерть? Что мне кусок свинца?
Подбежал к отцу, а он — недвижим.
На ногах не мог я устоять...
Только след предсмертной муки выжжен
На лице родимом — как печать.
Эта безответная могила,
Эта смерть под розгами... О, брат!
Неужели вправду это было?
Ад во мне, как вспомню, черный ад!

И Закро упал в траву лесную
И лежал безмолвен и суров,
Словно зверь затравленный тоскуя,
Скорбь его не находила слов.
Он и брат его — Бгачиашвили —
Лютой болью мучились одной,
И какие бури их томили
Догадайся сам, читатель мой!

ДУМЫ СЭСИА

Я земля и был землей,
Для труда землей рожденный,
Стала мне земля сестрой,
Мукою моей бессонной.

Что посею — не растет;
Не родит земля сухая,
И глядишь, на круглый год
Не хватает урожая.

То — хозяин на порог,
То — священник, то — урядник...
Гнут меня в бараний рог:
Много их, скупых да жадных.

Муравей — и тот мне враг.
Не дадут душе покою!
Отдохну я, бос и наг,
Под моей землей сухою!

ЗА ГОРОЙ ЗАСВЕТИЛСЯ МЕСЯЦ

За горой засветился месяц,
Над горой туман закрубился.
Мне огнем опалило сердце,
Я, скиталец, с дороги сбился.

Кинусь я со скалы пустынной,
Воронье исключает мне щеки.
Не обнять мне той, по которой
Горько плачу я, одинокий.

По скале ручеек струится,
Напевает, неугомонный.
Горе мне! Умирает сердце
От печали неутоленной.

К детям скал¹ прислушайтесь: клегчут
И ширяют в соседстве грома.
Все твои родные — на свадьбе,
А мои — сиротствуют дома.

¹ Дети скал — птицы (примечания Важа Пшавела).

РАСЦВЕТАЮТ ВЕСНОЙ ФИАЛКИ

Расцветают весной фиалки,
В пору жатвы трубят олени.
Сердце, словно изгнанник жалкий,
Горько плачет в изнеможенье.

Под горой от сердечной боли
Черной ночью совы кричали.
Неужели земной юдоли
Мало только моей печали?

Все проходит на белом свете,
И морское иссохнет лоно.
Для нанесших мне раны эти
Разве нет такого закона?

ВОТ ПРИШЛА И ЭТА ВЕСНА

Вот пришла и эта весна,
Просыхают отроги горные,
Тает снег об-он-пол горы,
Потемнели дороги горные.

Мечется Арагва, кипят
Пшав-хевсурские воды стылые,
Плачут, будто в могиле брат,
А сестра скорбит над могилою.

Выглянул фиалкин глазок,
Как сноха над фиалкой — чадуна¹,
А невестка хмельным-хмельна,
Дол кругом — как праздник негаданный.

Разукрасила мир весна
Где листвою, где цветами нежными.
Только сердце мое мертво,
Только сердце мертво по-прежнему.

ВОРОН ВОРОНА ОКЛИКАЕТ

На Эльбрусе ворон ворона
Окликает с камня седого:
«Просыпайся, брат, подымайся,
Время крылья расправить снова.

«Пролетал я над долом давеча,
Ружья громыхали в Кахети,
Полегли в траву луговую
Матерей любимые дети.

«Я — вперед, ты за мною по-сле́ду,
Нам с тобой лететь недалече,
Очи выпьем у недоумков,
Исключем увядшие плечи.

¹ Ч а д у н а — щитовина, род папоротника.

«Кахетинцев много порублено,
Рук не хватит копать могилы.
Я терзал уже клювом острым
Теплые и сладкие жилы».

АРАГВЕ

Пред тобой, Арагва, печалей
Для печалющегося нет.
Переменимся, обновимся,
Распрявим становой хребет.

Дик и весел, будь ты неладна,
Как посмотришь со стороны,
К небу вскидывающий скалы,
Звон твоей безумной волны.

Чуть глаза подымаю, снова
В горы взгляд бежит по плющу,
И опять печальное слово
Я в печали моей ищу.

Сердце тянется за глазами
К тем высоким льдистым зубцам,
Породившим твое безумье,
К тем вскормившим тебя сосцам.
Пропаду в горах — и на сердце
Тяжесть их возложу я сам.

Зацветает весной ранней
Камень их высоких грудей.

Рты цветов глубокое небо
Омывает росой своей.

Длиннорогий тур на вершине
Ловит ледяной ветерок.
Сокол вскинется, и не хрустнет
Под железным когтем песок.

А когда нахмурится небо,
Долу катятся клубы мглы,
Гром играет, листва трепещет,
Вековые гнутся стволы,
И в гнездовьях на ребрах горных
Крылья складывают орлы.

И откинув космы седые,
Смотрит в небо кипящий ключ,
Будто слышит впервые этот
Черный хор бушующих туч,
А какому слуху посильно
Сердцебиенье горных круч?

Не одну борозду на камне
Частые дожди провели.
Там и тут поток черногубый
Гложет кости горной земли.
Он пробьется к тебе, Арагва,
И в твоей хрустальной пыли
Пропадет, хоть стену стальную
На дороге бы возвели.

Схлынет буря — чистое солнце,
На горах утвердив стопы,
Поглядит, как туман в ущельях
Громоздит холмы и столпы.

Стрел гремящих тучи не сеют,
Отступают хмурой толпой,
А глядишь — опять осмелеют,
Завтра кинутся в новый бой.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Наливай вина — и выпьем,
Выпьем, чтоб оно пропало! —
И пойдет прямой дорогой
Мир, бредущий как попало.
Потоплю я в турьем роге
Горечь сердца, злое горе,
Повстречаюсь я с любимой,
Погуляю на просторе,
Своего пришпорю Лурджу,
Вместе с Лурджой кинусь в море.
Много лучше смерть во славе,
Чем собачья жизнь в позоре.
Молодой боец не может
Видеть смысл во всяком вздоре.

ВЕСТНИК

Ты в печали великой, мать,
Истомилась в разлуке с сыном,
Обтянуло скулы тебе,
Слезы катятся по морщинам.

Махарэ, возвращенный тобой,
Кровью брызнул на камень голый,
Мертв лежит под Дарьял-скалой
У излучки реки веселой.

Мертв лежит, кровь ручьем бежит,
Грудь навывлет пулей пробита,
А в руке — рукоять меча,
Преломился меч именитый.

Молоку твоему хвала!
Ладным вырос твой сын желанный.
Как засели в теснине мы,
Подступили к нам бусурманы.

Махарэ обошел их, снял
Пять голов на узкой дороге,
А других уже без него
Мы повергли себе под ноги.

Прочие в пещеры ушли,
Затерялись на перевале,
Все бесславной кровью своей
Травы горные запятнали.

Пулям петь и клинкам звенеть
Мы велели на зорьке ранней.
Много медоволосых жен
Зарыдает во вражьем стане.

Мама сирая, мы в вино
Воды Терека превратили.
Волны цепкие бусурман
К безымянной влекут могиле.

ЖАЛОБА ДУДАРЯ

Заболел я всей скорбью мира,
Оттого и стал дударем.
Воры дудку мою украли,
Вот и плачу ночью и днем.
И на что она им, проклятым?
Не продать ее нипочем:
Солью слез ей глаза изъело,
Не украшен стан серебром.

Срезал я ножом безыскусным
Бузины тонкостенный ствол,
Из волос гонимых и нищих
Я колечки для дудки сплел,
В соловьиную горловину
Вдунул мира горький глагол,
А теперь втихомолку плачу,
Чтоб никто меня не нашел.

Пусть же вор могильную землю
Ртом щербатым ест не дыша!
О, как дико и нежно пела
Легкой дудки моей душа!
Ничего от вас не хотела,
Даже ломаного гроша,
И сама просилась мне в руки,
До того была хороша.

Мы сроднились, как брат с сестрою,
А теперь простились навек.
Слить бы голос ей с причитаньем
Синих гор, ущелий и рек,
Чтоб смеющийся, как ребенок,
Слезы лил и лил человек.

ОРЕЛ

Видел я: орел-подранок
Бился насмерть с вороньем
И, уже взлететь не в силах,
Землю мел одним крылом;
Из груди его струилась
Кровь слабеющим ручьем.

Чтоб вам сгинуть! Он попался
В час недобрый вам живьем,
А не то ваш пух по ветру
Долго вился бы кругом.

ГДЕ ТЫ, МОЙ ОРЕЛ?

Где ты, мой орел? Клювом бей,
Сердце рви кривыми когтями,
Дай свободу крови моей,
Дай душе изойти слезами!

Истомила меня печаль.
Но не могут слезы пролиться.
Сердцу больно — людям не жаль.
Помоги мне, вольная птица!

БЫЛ В ГОРАХ...

Был в горах, с вершины видал
Мир, припавший к дальним отрогам,
На груди светила держал,
Как пророк, беседовал с богом.

Мысль о благе мира была
Для души единственной мерой,
Жизнь и смерть во имя его
Были правдой моей и верой.

А теперь я спускаюсь вниз.
Тьма глотает меня в ущелье,
Злые думы с душой сплелись,
Сирым разумом завладели.

Сверху вниз брести наугад —
Горе мне! — как тяжело и темно...
Слезы не исцелят меня
На равнине этой бездомной.

О, зачем я себя обрек
На погибель без воздаянья
И сошел с горы? Чтобы стать
Тщетной жертвой? Чашей страданья?

СТАРЫЙ ЛЕВ

Притомился лев, притомился,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла.
На поклон зверье не приходит,
Будто все окрест перемерло,
И никто его не жалеет,
И прошла пора золотая,
Та пора, когда выступал он,
Землю лапами прогибая,
Всю державу свою рычаньем
Потрясал от края до края.
Приутих недавний властитель,
Сердце старое плачет сиром;
Мнится, он давно уже болен:
На костях ни мяса, ни жира.
И чело его омрачает
Дума о вероломстве мира.

Притомился лев, притомился,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла,
Шкура у него заскорузла
И в груди дыхание сперло.
Из очей, когда-то прекрасных,
Тихо каплет мутная влага.
Кто тебя в беде пожалеет,
Жертва старости, царь-бедняга?
Где гордыня? Где величавость?
Где высокое бремя славы?

Весь ты в шрамах и гнойных язвах.
Что за зрелище, боже правый!

Холодает лев, голодает
И мышкует в поисках пищи,
За зверями по следу ходит.
Просит милостыни, как нищий.
Для себя охотится каждый,
Лев к тому же чужой породы.
Кто глупей, тот на нем, беззубом,
Вымещает свои невзгоды,
И еще иному приятна
Вечная жестокость природы.

Никому из зверей не жалко,
Что погасло львиное счастье,
Тигры льстивые даже рады
Одрыхленью Кровавой Пасти;
Не таясь, олени выходят
И зовут соучастниц страсти.

Голодает лев, холодает,
Наступила старость на горло,
Наложила подать на мышцы,
Когти царские поистерла.
Лев минувшее вспоминает:
Звери на поклон приходили,
И валялось парное мясо
У могучих лап в изобилии.

ЧТО, РЕКА, РЫЧИШЬ МНЕ В УШИ?

Что, река, рычишь мне в уши?
Что ты, ночь, глаза мне застишь?
Дай от дьявола уйти мне,
Дольный мир, откройся настезь!
Освети мне землю, боже,
Снизойди к моей тревоге!
Дома смутных глаз не сводят
Дети малые с дороги.
В мире этом злополучном
Долго ли осиротеть им?
Ты не дай без утешенья
Слезы лить несчастным детям.
Дети будут горько плакать,
Если я в дороге спину...
Допусти до перевала,
Сроку дай сойти в долину!
Буду жив — меня дорога
Приведет в мое селенье:
Только там надежный отдых,
Там от раны исцеленье.
Где еще укрыться? Стал я
На чужбине сиротою,
Потому-то и не знает
Сердце бедное покоя.
Но домой спешу напрасно:
Матери я не застаю.
Предали меня надежды,
В сердце нанесли мне рану.
Вместо радостных приветов
Дома только плач услышу,
И одни заботы будут
Приходить ко мне под крышу.

Больше в мире этом скорбном
Ничего я не имею.
Пусть моя звезда погаснет,
Не заплачу я над нею.
Как мне жить, когда на свете
Нет мечте осуществленья,
И не выпадет мне счастья
Ни крупицы, ни мгновенья,
Горе мне! Хулы и муки
Ждут меня и за могилой.
Встанет там перед глазами
Все, что здесь, при жизни, было.

АЛЕКСАНДРУ КАЗБЕГИ

Сын страны истерзанной! В муках
Кончив жизнь, ты нисходишь в прах.
Перед предками ты предстанешь
С обнаженным клинком в руках,
С сердцем, обожженным раздумьем
О непобежденных врагах.

Ты закутан в бурку печали,
Слезы — хлеб твой в загробном сне.
Ненадеванные доспехи —
Преданность родимой стране.

Сняв с чела свой венец терновый,
Ты слагаешь его у ног

Павших за грузинскую землю
В годы ратных бед и тревог.

Ты при жизни дышал надеждой,
Одари надеждой и их.
Верю я: сохранил ты в сердце
Клятвы Грузии каждый стих.
Покажи им перо, которым
Черпал из запруд кровяных.

МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

Наг и бос хожу по свету,
Голодая, холодая.
Неизбывной нищетою
Знаменита наша стая.
Печка жизни раскалилась,
Мне подобных выпекая.
Многим в этом брэнном мире
Доля выпала такая:
Нас, рожденных матерями,
Всех могила ждет глухая.

Если я узды достоин,
Разве я склоняю шею?
Дружбой с вами клясться буду:
Всем на свете я владею.
Этот мир — мое богатство:
Горы, доли, вся природа,
Суша и морская влага,

Звезды — войско небосвода,
Сторож тучек — светлый месяц,
Солнце в ранний час восхода,
Радостный напев богатых,
Сиротливый плач народа,
Голубое небо, ведро,
Ливень, гром и непогода,
Розы вешнее цветенье,
Вся ее родня земная,
В блеклом платыце фиалка —
Скромница моя лесная,
Пиримзе на горном склоне
И горянка молодая,
И роса, что жемчугами
На лугу дрожит, мерцающая,
Долгий гул обвалов зимних,
Летом — россыпь дождевая,
Ад за гробом, коль затворят
Предо мной ворота рая...

Я реву как бык могучий,
Я рогами землю рою:
— Боже, дай моей отчизне
Жизни щедрою рукою! —
Слыша о беде несчастных,
Слезы я струю рекою,
Мчусь я и колоброджу.
Праздность не в ладу со мною, —
С бедняком делюсь последним,
Не враждую с нищетою.
Я пришел во имя блага,
Связан я с моей землею.
Никого я не обижу
Злым деяньем, речью злою.
Я реву как бык могучий,

Я рогами землю рою.
— Боже, дай моей отчизне
Жизни щедрою рукою! —
За несчастных и бездольных
Слезы я струю рекою.
Вдаль иду с гудящей песней.
Блажь берет меня порою.

ВЕСНА

Снова я весны дождался.
Манной с неба свет струится,
Пробуждается природа,
Весело щебечет птица,
Мне, вчера еще немому,
Хочется разговориться.

Никому весною нету
До своих печалей дела —
Вот и просветлел мой разум,
Ржавчина с души слетела;
Бьется сердце по-иному.
Где, зима, твой саван белый?

Лед, тиран высокогорный,
Исчезает на пригреве.
Жизнь души моей воскресла
У немой могилы в чреве.
Из ревущих уст потоки
Сыплют искры в буйном гневe.

На кого идут войною
И кому грозят бедою?
То ли дружки запевают,
Жениха ведут с собою?
У Картаны ждет Арагва —
Тигр алмазозубый — боя.

— Выходи, храбрец! — И скалы
Сотрясает громовито.
Скалы спят, и сном их долгим
Время все еще не сыто.
Амиран, гремя цепями,
Подымается с гранита.

Рукоять меча сжимает
Он своей рукой нетленной,
Ходит шагом семиверстным,
Рыщет, ищет по вселенной
Крови тех, кто посмеялся
Над его отвагой пленной.

Море зелени бушует,
В сердце мужество вливая.
Пью глазами хмель счастливый,
Посреди земного рая
Повседневные заботы
Лепким сердцем отвергая.

И опять во мне фиалка
Брата верного признала,
Рядом с нею мерандера
Гордой башенкою встала.
Я и вправду раб природы:
Спорить с нею — толку мало.

БАКУРИ

— Элисбар, поведай людям,
Что и как случилось в Эго¹
С домом-крепостью Бакури
В дни лезгинского набега?

— Не хочу, чтоб сердце снова
Билось, как в ловушке птица.
Что сказать? Живи Бакури,
Было б чем ему гордиться,
А таким, как я, в могиле
Лучше смертным сном забыться.

— Ты зачем сказал такое?
Унижать себя не надо!

— Лгать из хвастовства не буду,
Это не моя отрада.
Я не поддержал Бакури,
Пред врагом не встал преградой.
Жизнь мне сладостной казалась,
А теперь не слаще яда.
На врага пошел Бакури,
Как могучий барс на стадо.
Я живьем врагу попался,
И грызет меня досада,
Не могу спины расправить
И поднять не смею взгляда.

— Не бежал ты с поля боя,
А что пуля не задела, —

¹ Эго — деревня в Тушетии.

Не горюй: зачем стыдиться
Непозорного удела?
И до нас об этой схватке
Много слухов долетело,
Но молва ни в чем постыдном
Обвинить тебя не смела.
Сам, что видел и что знаешь,
Расскажи про это дело.

— Подошло большое войско,
И попали мы в осаду,
Семь ночей, семь дней из ружей
Мы отстреливались кряду.
Жены, матери и сестры
Нам заряды подносили.
В день восьмой настало время
Истощиться нашей силе.
Порох кончился. Что делать?
Мы не спали и не ели,
Вспомнишь все— врагу бы только
Пожелать такой недели.
Оплошали мы, попали
Счастью лживому в немилость.
Будто снежная лавина,
Вражье войско накатилось,
Гулхадарцам и дигойцам¹
Наша крепость отворилась.

«Горе нам! Оружье дедов
Мы носили для того ли,
Чтоб врагу отдать на муку

¹ Гулхадарцы и дигойцы — племена, обитающие в Дагестане и у границы Тушетии.

Жен с детьми по доброй воле?»
Слово гневное Бакури,
Точно пламя, полыхало,
Сердце сделалось кременным,
Превратился взор в кресало.
«Сам убью! — Бакури крикнул. —
И да сгинет враг презренный!»
Крикнув так, жене и детям
Снес он головы мгновенно,
Ринулся врагу навстречу.
Я — вослед. Мне показалось,
Что в руке его могучей
Сталь прангули¹ засмеялась.
У ворот сразив двенадцать,
Он затих подобно буре.
Когти барса притупились.
Вечным сном почил Бакури.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

— О душа, где была, что видела,
Почему ты плачешь, душа?

— Я была в горах, барса видела.
Перед ним лежал, не дыша,
Холодея, детеныш пепельный.
Барс оплакивал малыша.

¹ Прангули («Франкская») — вид холодного оружия, сабля округлой формы.

Знала ль я, что и зверя дикого
Скорбь терзает, сердце круша.

— Что же снова ты плачешь? Чем еще
Дольный мир тебя огорчил?

— Повстречался печалью раненый
Мне олень, исполненный сил.
Он бродил в одиночку по лесу,
А подруги не находил.
Он потерю свою оплакивал,
Отчий лес был ему не мил;
Радость жизни его покинула,
Клял он свой безответный пыл.
Да изведает одиночество,
Кто печаль ему причинил!
И повержен храм, и голодные
Дети ползали нагишом;
Где, обшаривая развалины,
Были горестно псы кругом,
Где столбы да стены щербатые
Были вычерчены огнем
И усеяны сытым, каркавшим,
Перья чистившим вороньем.
Там с врагом сражался единственный
Уцелевший еще храбрец,
Но и он не достиг желанного,
И его подкосил свинец.
Будто волчья стая их резала,
Меж руин из конца в конец
Все селенье было завалено
Тушами коров и овец.
Снедью стал для жадных стервятников
Смертью храбрых павший боец,

Напились орлы сизокрылые
Влагой глаз и кровью сердец.

— Вот зачем ты одета в черное!
Чем еще ты удручена?

— Ничего не скажу я более.
Пред тобою — твоя страна.

— Отчего ты снова заплакала,
О душа, скажи, что с тобой?

— Плачу я затем, что отравлена,
Точно ядом, горькой судьбой,
Долей горестной сирой женщины,
Дивною своей красотой
Властной ослепить и ума лишить
Ослепленного красотой,
Красотой, сравнимой с фиалкою,
Алой розой или звездой.
Билась и рыдала красавица,
Голову посыпав золой,
Над высокой свежей могилою
Под скалистой Эльбрус-порой.
Кто погиб у нее — не ведаю,
Муж ее, или кто другой,
Но меня ее причитания
Обжигали смертельной тоской.
Почему же судьба жестокая
Не щадит красоты такой?

— О источник жалоб и жалости,
А теперь ты плачешь о чем?

— Я селенье дальнее видела,
Где разрушен был каждый дом

Оглянись, поймешь, чем я ранена,
Отчего смертельно больна.

— Что ж хохочешь ты, как безумная?
Не таись, душа, предо мной.

Я схожу с ума, я с ума схожу
От страданий земли родной.

РАЗЪЯСНИТЕ ФИАЛКЕ НЕЖНОЙ...

Разъясните фиалке нежной,
Что ее изничтожат слизни,
Что дверей блаженного рая
Не увидит она при жизни,
Что гордиться ей красотою
Ни к чему на собственной тризне.
Лучше б ей не глядеть на солнце,
Крепко спать в земляной отчизне.

Наше солнце непостоянно,
Счастья мало в нашем пределе.
Мать-земля, ты мою фиалку
Приюти в своей колыбели.
Твой обычай — служить покровом,
Пуха птичьего не тяжелее.

ЖАЛОБА ВОИНА

— Сердце горькое — мой убийца,
И не враг в бою, и не труд,
А людская неблагодарность
И попреки меня добьют.
Кто там ждет от меня подарков?
Раздарил я все, чем владел, —
Достоянье, уменье, силу,
Принял немощи злой удел.
Пригвождают меня к воротам
И пристрелят сотнями стрел.
Никому в отцы не гожусь я,
Предо мной никто не в долгу,
Никому не гожусь я в братья,
Чтобы путь препрадить врагу.

— Не взмахну я клинком булатным,
Горяча лихого коня;
Как бывало, не заполющет
Ратный стяг в руках у меня;
Пред врагом, как вестница смерти,
Не заблещет моя броня.

— Ноги мне свело, поясницу
Разогнуть мне хворь не дает,
А была рука моя крепкой —
В черный день приходил народ:
«Поспешай на бой, Андареза,
Наше войско подмоги ждет!»

— Увидав мой клинок на взмахе,
Смертный страх подавлял боец,
И бросался на вражьи орды,

Как матерый волк на овец.
Чем теперь я стал? День рожденья
Проклинаю, жалкий старик.
Мне спасибо никто не скажет,
Ни народ мой, ни духовник.

— Стыд и срам благодати мира!
Ни заслуг моих, ни трудов,
Ни последней, ни первой лепты
Не запомнил мир-пустослов.
Он хорош для тебя, покуда
Стан твой гибок, точно лоза,
А не станет сил разогнуться,
Мир тебе наплюет в глаза.

— Но винить никого не буду,
Пусть падет на меня вина!
Что замыслил — того добился,
Стдал людям свой долг сполна,
Притупил я свой меч в сраженьях,
Поистер свои стремяна.

— Некому подать мне напиться,
И от жажды я как в огне.
Боже, предаюсь тебе в руки.
Боже, милостив будь ко мне! —
Молвил так престарелый воин
И сложил из последних сил
Меч, кинжал и щит в изголовье,
Навзничь лег и дух испустил.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ ВОИНОВ

Матери не для того ли
Пели нам у колыбелей,
Чтоб клинки мы отточили,
Чтоб кольчуги мы надели,
Чтоб сердца лихих соседей
Перед битвой холодели,
Чтоб не страшен был отчизне
Враг, искусный в бранном деле!

Жен, детей, поля родные
Мы удаче поручили,
Поклялись умыться кровью,
Посвятили жизнь могиле,
Чтобы дани мы вовеки
Урожаем не платили.
Наши матери недаром
Смелых витязей взрастили!

Жизнь сжигаем, как солому,
Для отчизны несравненной,
Умираем с легким сердцем,
Гибнем с песней дерзновенной:
«Пусть они умрут, — что нужды?
Дети вырастут мгновенно,
Кружатся колеса прялок,
И шумят крыла вселенной:
Сыновья бесстрашны будут,
Мужество отцов нетленно.

Кто теперь в наш дом ворвется,
Лютой смертью угрожая?

Побеждает тот, кто бьется,
Как солому, жизнь сжигая.
Мы живыми не уступим
Ни земли, ни урожая,
Мы клялись умыться кровью,
Жизнь сраженьям посвящая.
Ну-ка, витязей подобных
Родила ль страна другая?

Родины ничьей не тронем,
Только нас дразнить не надо.
Даже мертвый засмеется:
Будет хороша засада.
Живы будем — не пропустим
Ни единого отряда.
Отступить нас не заставит
Ни кинжал, ни кубок яда.
Мы, как львы, идем на гибель,
Смерть в бою — для нас отрада.
Мы спины врагам не кажем,
Пусть они бегут, как стадо.

Бейтесь так, чтоб наши внуки
Наши подвиги воспели.
Поразим себя клинками, —
Только б не был враг у цели».
Чтобы родине прекрасной
Угрожать враги не смели,
Надо, чтоб такие песни
Люди знали с колыбели,
Чтобы матери таких же
Витязей вскормить хотели.

ПРИГЛЯЖУСЬ Я К СЕБЕ

Пригляжусь я к себе — и больше
Не в обиде на путь земной:
Добрых дел совершил я много,
Прегрешений мало за мной,
Захочу долететь до неба —
Крылья вырастут за спиной,
Света горнего луч заблещет
В сердце, полном голубизной,
И словам на бумаге тесно,
И душа — струна за струной —
Пробуждается, запекает,
Словно птица ранней весной.

Я тогда, — невольник чонгури,
И хоть выскажусь не вполне —
«Честь и слава песне высокой!» —
Люди добрые молвят мне.
Песня мне самому по нраву,
И отраднo мне, как во сне.
В лад единый строятся звуки
И бегут, подобно волне,
Отдохнуть чонгури не хочет,
Я молчать не даю струне,
Все другие заботы в песне
Тают, словно лед по весне.

Я плыву по морю блаженства,
И держусь я за рукава
Одеяний творца вселенной
И служителей божества.
Сыплется небесная маина,
Сладко кружится голова.

Матери хвала, чьей заботой
У меня душа не мертва!

Но растет число прегрешений, —
Петь хочу, а на сердце — тьма,
Не могу одолеть разлада
Слова жгучего и ума,
Я чонгури мучу напрасно,
Мир тогда для меня — тюрьма;
То перо, что в ранние годы
Заострила любовь сама,
Гробовые змеи обвили,
Остудила ведьма-зима.

Ад во мне, и свое зачатъе
Не устану я проклинать.
Так бывает, когда поэта
Не приосенит благодать.

ГОРАМ

О горы, горы,
С вами в разлуке
Я не стерпел бы
Всей этой муки.
Вас полюбил я,
Когда впервые
Меня пытливо,
Как часовые,

Вы оглядели,
Кручи живые.

Я не обманут
Сердечной жаждой.
Делю я долю
Вершины каждой.
Люблю вас крепче
Всего на свете,
Войны духом,
А сердцем дети,
Вольный, высокий
Притин столетий.

Я ненавижу
Низость бессилья,
Дух пресмыканья,
Веянье гнили,
Павшего духом
Мертвые крылья.
Мне утешенье —
Ваш строй нетленный,
В сердце навеки
Напечатленный.

Без вас я — клочья
Вопящей плоти,
Но не стенаю,
Чуть вы блеснете.
Споткнусь о камень
На повороте —
Вы снизойдете
К моей заботе,
И стану стойко
У самой цели,

Возвысив песню,
Как вы хотели.

Сияйте, горы,
В дали туманной!
Нектар надежды,
Лейся на раны!
Попранный, сырый,
Из пут обмана
Край наш рванется
К мечте желанной.

Дохните ветром,
Нашлите бурю,
Пусть не увижу
Солнца в лазури;
Жизнь отымая,
Бейте по-турьи,
Щебнем засыпьте —
Глаз не прищурю.
С ваших ладоней
Хлебну отравы,
Смиренно лягу
На ваши травы.

Не только ваши
Радости помню,
И ваше горе
На грудь легло мне.
А думы снова
Как прежде с вами.
Вы преграждали
Мне путь ручьями,
Меня сжимали
Седыми льдами,

Вы заливали
Потом глаза мне,
В угон металли
То град, то камни;
И проклинал я
Снег в три аршина,
И ненавидел
Ваши вершины.

Давно из сердца
Ушло все это,
В нем только розы
Алого цвета.
Связь моя с вами
Не ослабела,
Чуть вас увижу —
Снова за дело!
С вами в разлуке,
Как лодка в море,
Я затеряюсь
В чуждом просторе.
Вот вы встаете
Грядой неровной,
С духом и плотью
Связаны кровно.

Голову вскинув,
Днями-ночами
Веду неравный
Бой с палачами.
Как ваши воды,
Хлыну ручьями,
Бурливой песней,
Могучим словом...

И что при встрече
Скажу еще вам?

Тучи прорвите!
Небо измерьте!
Ввысь простираюсь —
И нет мне смерти.
Люблю высоты
Духа и мира.
С вами надежда
Не будет сирой,
С вами пребуду
Мечтой и речью,
Выйду из гроба
Горам навстречу.

ДЛЯ ЧЕГО Я ЖИЛ НА СВЕТЕ?..

Для чего я жил на свете,
По ночам не мог заснуть,
Если на краю могилы
Я клянусь свой дольний путь?
Для чего тебя любил я,
Чем тебя мне вспомнить,
Если тернием измены
Ты изранила мне грудь?

Я сквозь горы пробивался,
Грыз холодный камень скал,

Под полою чувств, как розу,
Образ твой отогревал,
Прирастил, как розу, к сердцу,
Слезы лил и ликовал.

Как расписку долговую,
Клятву ты разорвала
И теперь на грудь другому
Головою прилегла.
Вероломство и разлука
Жизнь мою сожгли до тла.

В ГОРАХ

(Осенние картины)

I

Холодает, и гор не видно,
Взор с туманом никак не сладит.
Краску потеряли деревья,
Будто их семь лет лихорадит.
То ли страх проник под кольчугу
Роц, забывших свои надежды?
Добровольно ли вы, деревья,
С плеч высоких сняли одежды?
Почему свое достоянье
До листа земле отдаете?
Быстро вы зиме покорились!
Уже не по своей ли охоте
Голову склоняете долу,
Не жалея собственной плоти?

Бродит олень ветвисторогий,
Трубным ревом будит округу,
Тонкие деревца ломает,
Кличет молодую подругу.

2

Облака проливают слезы,
Плачут по минувшему лету,
Ищут розу, ищут фиалку —
Ни фиалки, ни розы нету,
Не поить им уст благовонных
Самой нежной, самой лукавой...
Стало собственное деянье
Для содеявшего отравой.
Проплывали, цветы искали,
Находили блеклые травы,
И ушли, по-сиротски горбясь,
Те налево, а те направо,
На два дня покинули горы,
Отрыдав над листвою ржавой.

Утром на горах я приметил
Первый снег, прикрывший вершины.
Сняли хлеб, накосили сена
И засуетились общины:
Как бы все, что горбом досталось,
К черту не унесли лавины.

На небе зимние созвездья,
Иней в колеях на дороге,
Стужа за нос кусает утром,
Связывает руки и ноги.
Журавли уже в перелете,
С ними дети их и подруги,

Журавли покидают север,
Им, должно быть, лучше на юге.
День и ночь летят косяками,
Несмышленнейшей охраняя.
Было б только в дороге ведро,
И дорога будет прямая.
И летят, летят, не смыкая
Глаз от страха перед орлами:
Смерть близка! Встревожены горы
Голосами-колоколами.

3

Двинулись овечьи отары
Долу сквозь пелену тумана,
Будто захлестнули дорогу
Пенные волны океана.
Побелеют луга Ширака
И зеленого Таримана.

Вожак, козлы-саблерожцы,
Повели овец за собою,
И отарам с ними не страшно,
У иной отары их двое.
А еще овец провожают
Куцехвостые псы-герои:
Если где врага повстречают,
За отару встанут горою.

И плывут табунами кони,
Крупный скот валит, как лавина, —
Принимает их всех в ладони
Матери Арагвы долина.
Эх, вы, горы, синие горы,
Видно, вы людей прогневили:

Хороши вы были, покуда
Баловало их изобилье,
И покуда каждому щедро
Сладкий клевер вы отдавали.
Вы теперь вконец разорились,
И от вас уходят подале.

А когда трава молодая
Приукрасит ваше величье,
Налетят на ваши угоды,
Словно ястреба на добычу.
Не краснея и не смущаясь,
Не оказывая пощады,
На лугах раскинут загоны
И потопчут ваши наряды.
И тогда с ваших уст, о горы,
Не слетит ни слова досады.

Летом красным, будто наседки,
Обо всех вы печетесь, горы,
Вы и своего и чужого
Привечаете без разбора,
А долины свое богатство
Прячут ото всех в эту пору.
Далеко долины уходят
В неустанных поисках пищи.
Мир кормилицами их числит
В дни, когда вы наги и нищи.
Да благословит их создатель!
Мы не станем хулить долины.
И они, как и вы, о горы,
Тоже истинные грузины.

Каждый им воздаст благодарность,
У кого глаза, чтобы видеть,

Сердце, чтобы любить и верить,
А не все вокруг ненавидеть.
Нам в горах — лекарство от зноя,
А в долинах — от лютой стужи.
В тягость нам и жара и холод,
Не решить, что лучше, что хуже.

4

Что поделать, мы утерjali,
Проморгали красное лето,
Отпустили мы птиц несметных,
Певших по ночам до рассвета;
И ушли ровесники наши
Кто с лопатой, а кто с косою,
Кто за пояс топор засунув,
Кто с мотыгой за спиною.
Песни их еще из низины
Долетают до нас порою.

К очагам старики подселл,
Пряхи принесли веретена;
Гомонят, немыты и босы,
Дети, нет на них угомона;
В люльках спят под тряпьем грудные;
Дом дрожит от стука и звона;
Зазвучали зубья трепалок —
Все они в эту пору в деле;
Веретена женщины крутят,
А подолы полны кудели.
Разгулялся холодный ветер,
В двери дарбази¹ задувает.
Старики о подвигах предков

¹ Д а р б а з и — гостевая комната.

Нас рассказами забавляют,
И боясь проронить хоть слово,
Молодежь о сне забывает.

По обычаю дедов наших
Иногда мы варим хинкали.
Их не раз в долине припомнят
Те, что с нами здесь летовали.
Похвалили б и вы хинкали¹,
Если б вы их в горах едали.

5

Заиграл старик на чонгури,
И напев зазвучал былинный.
Чем еще нам душу потешить
В пору осени ночью длинной?

Для иных приманка — богатство,
Да на черта нам их конторы?
Вон как пшавские парни пляшут,
Жизнью так и сверкают взоры.
На прорехи да на заплаты
Здесь не обращают вниманья.
Старики в молодежи видят
Лет минувших напоминанье.
В очаге огонь разыгрался,
И стреляет хвост горящий, —
Женщины его терпеливо
Собирали в прибрежной чаше.
Этот треск приятен для слуха,
Сердце радуется пламя.

¹ Х и н к а л и — род пельменей.

Забредают к нам сазандари¹
И поют у нас вечерами
Под волынку рослый рачинец²
Перед всем собравшимся людом
Восхваляет всех поименно,
Дом наполнив сладостным гудом,
Старика — в Тариэля³, старуху —
В Дареджан превращает чудом.
Над смешным все вместе смеемся,
Над печальным плачем все вместе,
А за стол усевшись, друг друга
Славим, не избегая лести,
Величаем главой селенья,
Песней дружеской тешим души,
А заплакавшего ребенка
Утешаем вяленой грушей.

6

На помол зерна не хватает
(Горец нас поймет с полуслова),
Не могли мы справиться с жатвой
До прихода поры суровой.
Как вослед становому стражник,
Так за осень непогода
Подошла — и куда как мало
В закромах зерна у народа.

¹ Сазандари — певцы, поющие в сопровождении волынки.

² Рачинец — от Рача; Рача — один из округов Западной Грузии, бывшее самостоятельное эриставство.

³ Тариэл и Нестан-Дареджан — герои поэмы Руставели.

А что есть — и того не мелем,
В том уж мельницы виноваты.
Все ж старухи и молодницы
Побросали свои ухваты,
Захватив зерно, к мукомолу
Со всех ног бегут спозаранку,
И завязываются ссоры,
И вступают все в перебранку,
Дело до кулаков доходит...
И когда, наконец, настанет
Время жерновам закружиться,
От других Чито не отстанет,
Всех осилит с невесткой Дутой
И Этери, своей свекровью:
У нее кулаки покрепче
И острее бритвы присловья.
Мельнику на стане работать
Не дают забияки эти.
Тут и правый и виноватый
Перед ними равно в ответе.
Всюду знамениты все трое.
О Чито говорят в народе,
Что язык ее смертоносен,
Как ружье-берданка на взводе;
Говорят о Дуте с Этери,
Что они как шашки на взмахе.
Горь тем, кто свяжется с ними,
Все от них отступают в страхе.
Их зерно не в очередь мелют.
К жерновам течет их пшеница,
Потому что каждый боится
Со своей головой проститься.

Мы поглядываем с тревогой
 На вершину горную снизу:
 Низко ли гора приспустила
 С плеч скалистых снежную ризу.
 Подошла зима-лиходейка,
 Вспять ее не воротишь силой,
 В санках за собою простуду
 И прострелы приволочила.
 Белоснежные зубы скалит,
 Вовлекает в свои забавы,
 А потом раскрывает сердце,
 Полное смертельной отравы,
 И хватает тебя за горло
 Ненароком, как враг лукавый.

Между тем охотники рады
 С лиходейкой зимою встрече.
 Загодя почистили ружья —
 Перекинули через плечи.
 Каждый след на снегу отчетлив,
 И сомнения нет ни тени,
 Что косули здесь побывали,
 Тут — медведь, а вон там — олени,
 Видно, что лиса мышковала
 И что белочки озорницы
 На бегу замели хвостами,
 Затоптали следы куницы.

На приволье туры не тужат:
 Пуля не продырявит шкуры,
 Цепь утесов — их оборона.

В ближний лес, по-зимнему хмурый,
Ходим с ружьями за добычей
Менее почетной, чем туры.

Мелкий снег пошел, будто кто-то
С неба сыплет муку сквозь сито.
Снежной манной устланы кровли,
Снежной манной земля прикрыта.

Наступило трудное время,
Изменился мир в одночасье.
У огня садитесь и ешьте,
Если есть что-нибудь в запасе,
Если нет ничего — терпите!
Бедняку не в радость и лето,
А зима — великое горе.
Помечтай без тепла и света
Обо всем, чем жизнь таровата,
Чем утешен кто-то и где-то, —
Видеть сны зима разрешает,
И досуга хватит на это.

ПЕСНЯ СТАРИКА¹

Сном забылся в юности,
А проснулся в старости,
Проклинаю хворости,
Плачу я от ярости:

¹ Примечание автора: «Эту песню поет косарь или жнец, работая в одиночку».

Борода косматая —
Словно вата грязная,
И на ум столетнему
Мне приходит разное,
Снилось мне, что бедствую,
Грезилось, что праздную...

А что к людям не хожу —
Люди не виновники:
Рога я не удержу,
Не гожусь в любовники,
Строить дом я не возьмусь
Подсоблять приятелю, —
Лучше в келье затворюсь,
Помолюсь создателю.

Мир и счастье девушке,
Не меня целующей!
Не меня на солнышке
Встретит вестер дующий.
Мне на что надеяться?
Может быть, засну еще?

БЫЛИ МЫ В ГОРАХ¹

Были мы в горах,
Я и Бердия.
И под грудь кабан
Мне клыки всадил;
Я убил его

И кабанью кровь
Со своей смешал;
Но никто мне ран
Не перевязал,
И лежу без сил,
А в глазах туман.

И товарищ мой
На меня теперь
Смотрит, как слепой:
Перед ним лежит
Средь травы густой
Мною взятый зверь.

Нагрузив осла
Кабаниною,
Он в обратный путь
Собирается;
Возвратясь домой,
Пред своей семьей
Он добычею
Похвывается,
Пляшет, пьет, поет,
Рог в руке держа,
И его души
Совесть не грызет,
Как железо ржа.

Дела нет ему,
Что кончаюсь я
Не в родном дому,
А в лесной глуши,
Что с семьей навек
Разлучаюсь я.

Слушай, человек,
Я тебе не враг.
Без меня моя
Пропадет семья.
Чем ты, Бердия,
Стал в ее судьбе?
Черный Бердия,
Разве можно так?
Неужели, брат,
Бога нет в тебе?

РАЗДЕЛ ДОБЫЧИ

За столом Бабураули
Восседал в Гуданис-Джвари.
Во дворе метали жребий,
Шум подняв, как на базаре,
Тысячу овец делили
Да быков добытых двести.
Но воителю негоже
Ставить скот превыше чести,
Вот и скрылся он в молельню,
Чтоб не быть со всеми вместе;
А еще он ранен в руку.
И, как должно, боль скрывает.
Служка, стоя на коленях,
В чашу пиво наливает.
«Дело доброе — что свечка
Перед божим порогом.

Из рабов Гуданис-Джвари
Ты для славы избран богом». —

Служка чашу подымает:

«Как рассудишь справедливо —
До чего же люди мелки!
На врага идут лениво,
И потом за стол садятся
Не в черед и суетливо.
Только в том видна их доблесть,
Что хлестать здоровы пиво.
Ты один, Бабураули,
Наших гор краса и диво!»

Служка чашу осушает:

«Много лет живи счастливо!»

И тогда снаружи люди
Двери настезь распахнули,
Ворвались и загалдели:

«Выходи, Бабураули,
За двенадцатью быками,
За богатою поживой!»

И сказал Бабураули,
Подбоченясь горделиво:

«Все берите, ничего я
Не желаю, кроме пива!»

«Всем нам счастье улыбнулось,
А тебе на долю пало

Больше всех, и ты не думай,
Что двенадцать это мало!»

Отвечал Бабураули:

«Вы поймите, что ни спьяну
И ни стрезву из добычи
Ничего я брать не стану:
В этом я святыне нашей
Клятву дал по доброй воле.
Что мое, то при разделе
Вы своей считайте долей,
Мне же и козы не надо.
Только б клятву бог услышал!»

И, в косую сажень спину
Показав, он в двери вышел.

ТО, ЧТО ВИДЕЛ Я КОГДА-ТО...

То, что видел я когда-то,
Вижу в наши времена.
Как во дни Адама, так же
Мать над люлькой склонена,
И никто дитяню крепче
Не полюбит, чем она.

Небеса всего богаче
Украшает божество,
Храбреца — любовь к отчизне,

Подвиг мужества его.
Если он самозабвенно
Доблесть выкажет в бою
И, отбросив меч со стоном,
Сложит голову свою,
Неизбывное блаженство
Он изведает в раю
И свою затеплит славу,
Как свечу, в родном краю.

По извечному закону
С гор седой туман течет;
Если дерево подрубят,
Бянет лист и гибнет плод;
За весной приходит лето,
Осень зиму приведет;
Словно дружка за невестой,
Вслед за жизнью жизнь идет;
Солнце греет, холод студит,
Слезы лить неволит гнет,
И в уста любовь целует,
И в глаза вражда плюет.

Поцелуй — дитя пристрастья,
И дитя обиды — месть.
Неизменные законы
Для всего на свете есть.
Повторяется от века
Роковых страстей игра.
Завтра может стать владыкой
Тот, кто был рабом вчера,
В золотом венце подняться
На престол из серебра.

Если прежде так бывало,
Точно так же будет впредь:
Без повторных изменений
Нам судьбой не овладеть
И природе благодатной
Не желтеть, не зеленеть.

Вот зачем прошу я бога —
На страдальческом пути
Дать грузинскому народу
Мир и счастье обрести.

ТЕНИ РУСТАВЕЛИ

Грузии певец достославный!
Вверх из праха взор устремляя,
Огляди, обойди отчизну
Посолонь от края до края.

Поцелуют твою десницу
Юноши народа родного.
Не единожды, а стократно
Здесь твое сбывается слово.

Для рабов кончается рабство,
Что в груди твоей как занозы,
Солнце ищет равного света
И для сорняка и для розы.

Мы не те, что в былое время:
Погляди, мы выросли вдвое,

Наши юноши — соколята
И орлята — стремятся к бою.

Страстно, как душа Тариэля,
Драгоценное их бесстрашье;
Возвещают они величье
Дорогой Иверии нашей.

Мы восстали, мы вровень с небом.
Нам грозили: «Побьем камнями!»
Чтобы все мы не пали в битве,
Стань, прославленный, рядом с нами!

В сердце запечатлей, как розу,
Юность и красоту героя
И прими, как сынов достойных,
Жертвы справедливого боя.
Осени же благословеньем
Лучшие жемчужины эти!
Отпылали яркие свечи —
Родины любимые дети.

ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Сандро Шаншиашвили

К ПЬЕСЕ Ш. ДАДИАНИ «ВЧЕРАШНИЕ»

Царевич тревогой бессонной
И горем объят, —
Шагает в саду без короны
Вперед и назад.
Шуты не хохочут как прежде, ---
Таятся, молчат.
Над кровлею вороны выются,
Зловеще кричат.

Царевич тревогой бессонной
И горем объят.
Царевна лежит без движенья,
Бледна, точно плат,
И слышит, как вороны резко
Над кровлей кричат,
И слезы на длинных ресницах
Как жемчуг дрожат.

Царевич тревогой бессонной
И горем объят;

И — руки ломая — к покойной
Невестке спешат;
И звон всколыхнул колокольный
Темнеющий сад:
И в трауре гроб, и деревья
Во мраке шумят.
Над кровлею вороны вьются,
Зловеще кричат...

Сандро Эули

МАТЬ¹

Когда тебя ласкает мать, —
 И голод нипочем,
Ты можешь дэвов побеждать
 Игрушечным мечом.
Ты слышишь голоса надежд
 И света торжество —
Оазис пред тобой цветет,
 И входишь ты в него.
Мне душу обогрела мать,
 И я любимым рос,
Я был в отрепьях, но тогда
 Не знал горячих слез.
Под стрелами косых дождей
 Я с матерью моей

¹ Переведено совместно с А. Штейнбергом.

Шел босиком глухим путем,
Дорогою скорбей.
Наш дом стоял на пустыре,
И ветер в темный час
Раскачивал наш бедный дом
И властвовал у нас.
О хижина моя! Впотьмах,
К земле наклонена,
Дырявой крыши нищий груз
Едва несла она.
Торчала изгородь еще
От дома в стороне,
Зубами нищенки седой
Она казалась мне.
И приходили свиньи к ней
Начесывать бока,
А там — вилась дорога вдаль,
Вольна и широка.
Была зима, и ночь пришла,
Слепой испуг тая.
И в эту ночь на пальцы мне
Дышала мать моя.
Мы слушали, как ветер выл,
Стихал и выл опять,
И тьмы текучей каждый миг
В слезах считала мать.
Я на ее коленях спал,
А мимо ночь плыла,
Дремала мама надо мной,
И сладко тьма цвела.
И мыши приходили к нам,
Шуршали в полумгле,
И черствый кукурузный хлеб
Глодали на столе.

И то, что я во сне видал,
Звенело как труба.
То было обещанье нам —
И то была судьба,
Принесшая отраду в мир,
Широкая, как сон,
Записанная на листах
Поющих книг времен.

Галактион Табидзе

ЧТО НЕ ПОКРЫВАЕТСЯ ЗАБВЕНЬЕМ

Нашим стремленьям — тянуться к вершинам —
Издавна путь преграждала природа.
Там, на горах, в этом крае пустынном,
Разве не чудо шаги пешехода?

Путник на горы глядел из Тбилиси,
Видел величье вершин в отдаленье:
Сквозь времена прорываются выси,
Не покрываясь туманом забвенья.

Вот ты поешь — и колеблются тучи,
Ты в одиночестве, путник счастливый;
Слева — утесы у рощи дремучей,
Справа — кустарник и сонные нивы.

Здравствуйте, горы, крутые огроги,
Дальние доли и дымы селений,
Дуб вековой на высокой дороге!
Здравствуйте, скалы — царство оленей!

Георгий Леонидзе

САМГОРЦЫ

1. ИОРИ

От палаток на Самгори
Стало вдруг белым-бело.
А вдали река Иори
Катит волны тяжело.

Скучно ей в глуши танься, —
От кого тут ждать добра?
Ей мерещится столица,
Снится ей сестра Кура.

2. СТАРИК

Бьются ради жизни новой
И лопата и кирка.
Встретил я как лунь седого
Землекопа-старика.

«Мало ль в жизни пролил пота?
Хватит, дед!» — А он в ответ:
«Роят все — и мне охота.
Зря сидеть — терпенья нет».

ЗАВЕТНОЕ

Разве сгинет напрасно сила,
Что живое сердце излило?
Разве мало его горнило
Изумрудов мечты взрастило?

Иль в глубины сердца людского
Я войти огнем недостойн?
Помоги мне, жаркое слово,
Зазвучи! Я — твой верный воин!

Мать-отчизна, в душу сыновью
Ты вдохнула свое волненье,
Искрометной своею кровью
Ты поишь мое вдохновенье.

И тянусь я к фиалке жадно:
— Я возжаждал тебя до боли,
Улади мне на грудь прохладной
Синей каплей родного поля! —

Я возрос на земле грузинской,
И звенит, звенит мое слово
В честь твою, о край материнский,
С силой, данной твоей основой!

Как прирос я к тебе, родная:
Сердце — к сердцу, ладонь — к ладони.
Я горю — росинка живая —
На твоём благодатном лоне.

Пусть тебе возвратится, щедрой,
Все, чем ты меня одарила:
Словно капля в земные недра —
Труд мой скромный, сыновья сила.

Симон Чиковани

ТЕНЬ ОТЦА

Я не сплю. Я во власти тревоги,
Я послушен дождю за окном.
Ветер в двери! Отец на пороге,
В мокрой чохе он входит в мой дом.

Это сон. Это явь. Он в могиле.
Он мерещится мне в забытьи.
«Где ты был? Мы тебя не забыли.
Как промокли одежды твои!»

Он стоит, не скрывая обиды,
Опираясь на тот же костыль;
И по дому под ветром Колхиды
Дождевая проносится пыль.

Вот он кашляет глухо — он болен,
Воду пьет и чуть слышно потом
Говорит, что невесткой доволен,
Что моим он доволен жильем.

Опускаются влажные веки,
Растекаются капли дождя:
«Если дочь потерял я навеки,
Я измучусь, ее не найдя».

«Погляди на меня, — я отвечу, —
Я в слезах пред тобою стою.
Думал я, ты готовишь ей встречу
Там, в твоём безымянном краю.

Чоху высушим, в нарды сыграем,
Отдохнешь у меня наконец.
Ничего, мы ее повстречаем.
Стол накрыть разреши мне, отец!»

Но отец мой уходит из дома, —
Слышен капель томительный звон, —
И меня покидает истома,
Принесенный дождем полусон.

ПОРА СЕНОКОСА

Пора сенокоса — и косу я правлю,
Зарей серебря и подругу зову,
Зову тебя, жизнь, заклинаю и славлю —
Приди! Для тебя расстилаю траву.

Дай силы на труд до соленого пота,
С корзинами, полными туты, приди,
Со мной поделись повседневной заботой
И сон подари у тебя на груди.

А помнишь — мне засуха кости крушила,
Но все ж целину подымал я весной?
С шестой пятилеткой души легкокрылой,
Как с песней, теперь возвращаюсь домой.

Мой долг — эту сталь заострить на точиле:
Мечты и до блеска зари довести.
О, только б теснее меня обхватили
Объятия твои! Подойди! Обхвати!

И если я в поле прилягу на камни,
Окликни меня, разбуди, не жалея,
Молю: будь и в старости ясно видна мне,
Как в пору зари отгоревшей моей.

Влюбленное сердце безумно и жадно —
Возьми его, милая, не прекословь,
Сожми, пусть прольется, как сок виноградный,
На нивы грузинские жаркая кровь.

СТАРАЯ ЧИНАРА

Как же так, чинара! Почему
Постарела ты, скажи на милость?
Словно в сердце что-то надломилось,
Словно свет убавился в доме.

Тень твоя состарилась заметно,
Сблестшал наряд.
Раньше листья грохотали медно,
А теперь, как жель, они бреччат.

Есть закон, придуманный не мною:
Годы клонят долу все земное,
Отцветает буйная весна,
И мелькают пестро дни за днями —
Но твоими властными корнями
Молодость моя оплетена.

ИЗ КНИГИ «ОСЕННЯЯ ТЕТРАДЬ»

1. ГОРЫ ПОЮТ

Предгорий нежных вырез красноватый.
Заката пламенеющий венок.
Мслитвенные горы ввысь подъяты,
И как мольба — морская гладь у ног.

По берегу орнамент тенью вышит,
И жель листьвы роняет лавр с ветвей.
Елажен, кто зов отечества услышит
Над мутноводной Чорохой своей.

Кем пролито маджари на вершины?
Кем без границ простерта синева?
Аджарских гор поет мне хор единый
С мудрости негромкие слова.

2. ЗАКАТ

Излука моря, горы и предгорье,
И на откосах чайные кусты.
Мне волноваться впору бы, как море,
Но я молчу: я в круге красоты.

Стою в тени — платан среди платанов —
И жду волны вечерней. Вот когда,
Как дикий хор кудрявых великанов,
Нисходит к морю горная гряда.

Кувшину сердца суждено пролиться,
Мой жар остудят ветер и листва.
О, жизнь моя! Еще одна страница,
Как парус в море, брезжит мне едва.

Уходит день — хевсур светлородый,
Из сумерек я вглядываюсь в даль:
Мне люб закат, воспламенивший воды,
И дней осенних светлая печаль.

3. НА ВЗМОРЬЕ

Со мной наш милый Ника¹. Мы томимы
Одной тревогой, и одна у нас
Надежда: мы Тбилиси свой любимый
У моря вспоминаем что ни час.

Роняя листья, дни летят. Обоим,
Что делать нам в гостиничной тиши?
От моря тянет солью и покоем,
И тайным горем дышат две души.

¹ Сын поэта.

Лучи над морем жгучи до озноба,
Мы под зонтом сидим и вдаль глядим, —
Своей бедой не делимся мы оба
Ни с морем сонным, ни один с другим.

Скрывая мысли, говорим не споря,
Тревога в гальке шелестит вокруг.
А ты сейчас на севере у моря
И, может быть, глядишь в бинокль на юг.

Под вечер волны вырастут в тумане,
И мы уйдем от потемневших вод,
И груз твоих заботливых мечтаний,
Как дар сладчайший, Ника понесет.

4. ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Мне осень улыбнулась на просторе.
Небесная безбрежна синева.
Вечерний час ведет меня от моря,
Как песня друга, слышная едва.

Иду навстречу веянию платанов,
Минуя мальчуганов у воды.
Уносит поезд, в дым вечерний канув,
Безмолвное предчувствие беды.

Иду на лепет апельсиновой кроны, —
В листве — заботы пристальной печать, —
И давний след в траве темно-зеленой,
Шаг юности хочу я отыскать.

Вернуться к догорающему пиру,
Пригубить вновь заздравных чаш янтарь,

И странником олять пройти по миру,
Пылая жаждой, верной мне, как встарь.

Родник я отыщу по вдохновенью.
Далек мой путь и, что ни день, трудней.
Как странник, покидающий селенье,
Иду под сенью множества теней.

А берег мой, увенчанный шафраном,
Мне издали последний шлет привет,
И я прощаюсь с журавлиным станом,
Как с драгоценным даром зрелых лет.

5. МЕЧТА

Край родины, друг моря, берег милый,
Я пред тобой стою на склоне дня.
Верни мне снова молодые силы,
Аджария, благослови меня!

Мечта моя тобою не забыта. —
Пусть я порой споткнусь о камень твой, —
Служитель рифм похож на златобита,
И ты несешь мне полдень золотой.

Цветы и лозы на твоём пороге,
И в море паруса твои ушли.
Один мой стих ты бросишь на дороге,
Другой подынешь бережно с земли.

Меня встречают здесь воспоминанья,
Соломенные шляпы приподняв.
К тебе пришел я в годы увяданья.
Дай мне прилечь среди листвы и трав,

Пустыми не оставь мои кувшины
И чудо исцеленья соверши:
В реке бессмертья лишь глоток единый
Был уготован для моей души.

Она пылает купиною рдяной, —
Дай от моих ворот мне отойти,
Я Миндией¹ в горах аджарских стану,
Добро посею на твоём пути.

Корнями я тянусь к холмам кудрявым,
Где чайные раскинулись кусты,
Ласкаюсь к волнам и пахучим травам,
Безмолвствую в жилище красоты...

6. РАДОСТЬ

Уже созрели гроздья будешури²,
Лоза стволы деревьев обвила.
Иду к горам. Ты ластишься к лазури,
Аджария, как в юности светла.

Мне б долю сил твоих необычайных —
Я славить бы тебя не уставал.
Красавицы твои на грядках чайных
Неудержимы, как девятый вал.

А кажется, что золото считают...
В их пиалах — горячий аромат.
Дрожа, чуть слышно листья причитают,
Но это воды моря шелестят.

¹ Миндия — герой народных сказаний, ясновидец, постигший язык и душу природы.

² Будешури — сорт винограда.

Труд расправляет крылья по-соколы,
И пальцы по зеленому руно
Летают. Осень с морем на приволье
Сошлись. Мне грудью встретить бы волну.

А вечером питомцы садовода
Прильнут ко мне, узнав себя в стихах.
В мои ворота входит жизнь народа.
Мои надежды — на его весах.

7. В ДУШЕ РАЗБУШЕВАЛАСЬ ЛИСТВА

В моей душе листва разбушевалась —
Неотвратимый близится полет.
Я тороплюсь, мне остается малость, —
С вершины — долу жизнь моя идет.

Я листья эти гладил в час рассвета.
Увял цветок, и меда нет в цветке.
Хватаюсь за соломинку, а это
Пшеничный колос у меня в руке.

Еще в полях — я сеятель достойный,
На склонах гор — я сборщик миндаля,
Не утолил я жажды беспокойной,
И вот — встречаю осень, как земля.

Промчался дождь, и высохла дорога,
В суме довольно снеди у меня.
Оставь меня, тревога, и не трогай
Моей души янтарного огня.

Глоток вина, еще немного сыра
Да хлеба кус — и побреду опять.

И если ночь крылом коснулась мира,
А сон нейдет, так для чего мне спать?

В душе и впрямь, быть может, гаснут свечи.
Не плачу я и не твержу молитв.
Мне снова горе падает на плечи,
И снова рана старая болит.

Еще усталость не вошла мне в жилы,
Еще я помню юношеский пыл,
Забот не меньше у меня, чем было
В те времена, когда я молод был.

8. ЛИСТОПАД И ОЗИМЫЙ СЕВ

Этот мир быстротечный.
Ход мгновенный времен..

Важа Пшавела.

На седину не поскупилось время
И спело песню сумерек. Иду,
А за спиною — старость, вровень с теми
Платанами, чьи листья как в бреду.

Я здесь косил, да сено ветром сдуло.
О пиризмзе¹, где нежный венчик твой?
Редея, кроны клонятся сутуло,
И в дол схожу я узкою тропой.

И как Шопен мне листьев шум, похожий
На приглушенный, горестный напев.
Мир быстротечен, как всегда, но все же
Под этот шум идет озимый сев,

¹ П и р и м з е (солнцеликая) — цветок. Здесь намек на стихи Важа Пшавела.

И память копит избранные думы,
Как золото запасов семенных.
А листья — как червонцы толстосума:
И ночь придет и обесценит их.

Вгляжусь в туман: где моря блеск вчерашний?
Древесный корень мне связал ступни,
Мне лучший плод не сладок, а на пашне
Я сеятель еще и в эти дни.

Поет мне вечер жизни или года —
Души моей и боль и благодать.
Хочу я ради отчего народа
До поздней ночи внуку передать

Умение земли родимой раны
Любовью врачевать...
Но листопад —
Что значит он? Что говорят платаны?
Зачем, как листья, волны шелестят?

9. НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Ты — юная — мне руку протянула,
У моря снизошла к моей судьбе;
К тебе трава некошенная льнула,
Соленный ветер ластился к тебе.

Ни паруса мне в море не светило.
Откуда ты? Как ты нашла мой дом?
Я ждал в горах, растрчивая силы,
Искал тебя на берегу морском.

Вошла мне в кровь — и я замкнул ворота,
Расчистили мы свой надел земли,

Делились щедро хлебом и заботой,
Себе друзей немало сберегли.

Я о тебе мечтаю, дни считаю,
Да вот никак не возвращусь к письму.
Для глаз моих повсюду ночь сплошная, —
Я ль не поспел к рассвету моему?

Уж полегчало нам, я то и дело
О помощи отчизну не молю.
Весна моя, куда ты улетела?
Где отыскать мне молодость мою?

АРМАЗСКИЕ ВИДЕНИЯ

I. ДРЕВНЯЯ МЦХЕТА

Мцхета, Михета, Грузии основа!
Славлю я приход ее весны,
Я по крови ей родня — и снова
Розы и знамена взнесены.

Здесь мотыга первого грузина
Грянула, как первая гроза,
И срослись крест-накрест воедино
Дева и нагорная лоза.

Жар, что нес мой пращур на ладони,
Оживлю дыханием одним.
Здесь очаг мой на кремennom склоне.
Здесь огонь. Здесь первозданный дым.

Мы — сыны минувших поколений —
В помыслах бесстрашны и чисты;
Как ветвисторогие олени
Мы трубили с этой высоты.

Наше пламя ветер гор колышет,
Тьму веков мы грудью рассекли.
В саркофаге полководец дышит,
Слышен звон меча из-под земли.

И мое, как след резца на камне,
Уцелело в бурях бытие:
Мцхета нежной матерью была мне,
Да святится сок лозы ее!

Нет реки на белом свете слаше
Отчих рек, обетованных мне.
Я — олень, их верный друг, трубящий
С высоты Армаза по весне.

II. ДУМЫ О СЕРАФИТЕ

Тьмой иверийской каменные плиты
Подернуты. На Мцхету ночь сошла.
Коса в гробу почившей Серафиты
Грузинские твердыни оплела.

Припомню сосны, ежевику в чаше
И виноградных гроздей благодать.
Дано мне облик Серафиты спящей
По этой легкой тени угадать.

О нет, не тень, а только отблеск линий...
Не расточить, измучиться над ним,
Найти бессмертье в каменной пустыне,
Очарованье, смутное, как дым.

Недаром вечность нам, живым, открыта.
Покой незримый в камне заключен.
В родной земле почитет Серафита,
И сон ее — времен минувших сон.

И Серафита шепчет из могилы:
— Все суета. Во тьме пролег мой путь,
Над камнем веет ветер ширококрылый.
Позволь мне петь, иль спой мне что-нибудь. —

Я говорю:
— Не суета земная,
Лоза тугая обвивает жердь.
Твоя коса, как золото сияя,
Связала крест и победила смерть.

Да будет песня о великой силе
Твоей красоты — как старое вино.
Тому, что был прекрасен и в могиле,
Прекрасное бессмертие дано.

Встань. Стел накрой. Хочу к твоим рассказам
Прислушаться. О тень, заговори!
Ты — утреннее небо над Армазом,
Дитя, благословение зари.

III. ХВАЛА СЕРАФИТЕ

Ветвь Армаза несравненная,
Мшхеты нежной дар бесценный,
Снится ли тебе вселенная?
Или снишься ты вселенной?

Кем ты названа по имени.
Где ты, где ты, Серафита?

Серафита, посети меня,
Прилети, плющом повита!

Красота твоя не сгнула:
Ты, лиловых гор жилица,
Пламень свой из гроба вынула.
Пусть хоть пепел возвратится.

Гóлоса ли прежней силою
(Иль за гробом света мало?)
Ты свою девятикрылую
Душу в склепе удержала.

Древний путь затерян в замяти,
Встань, дитя, на перевале,
Подари нас хлебом памяти,
Спой, как мы с тобой певали.

Серафита, будь попутчицей —
Сапурцлия, или Мцхета,—
О, как ждет, как песней мучится,
Как томится сердце это!

Тень, в гробу запечатленная,
Песня на холодном камне,
Не озябни, сокровенная,
Ты, как сон, как явь, нужна мне.

Шелк твой веет над долиною.
Встань, как встарь, необычайна.
Кто ты, Грузия старинная,
Ревность ты моя и тайна?

IV. ЗАКЛИНАНИЕ СЕРАФИТЫ

Буря чертоги разбила твои.
Горе Армазу! Крыло у него перебито.
Ждал я тебя у гробницы твоей, Серафита,
Ждал я — в полях пересохли ручьи.

Спой мне! Когда-то мы пели с тобой,
Пели, как реки, бок-о-бок залившие Мцхету.
Вот я нашел тебя. Песню забытую эту
Вспомни, крылатая. Спой!

О, для чего ты с собой унесла
Древнюю тайну? Зачем опочила в могиле?
Чтобы напевы твои над могилой застыли
Слаще печали, прозрачней стекла?

Я всколыхну голубиную речь,
Голос твой, нерасточенный немymi годами.
Верен тебе, я снимаю корзину с плодами,
Чашу слагаю с натруженных плеч.

Тонкой рукой приношенья коснись
И не отвергни моей переполненной чаши.
Встань! По-язычески за виноградники наши
И за отчизну свою помолись.

Выйди из гроба. Настала пора
Славы минувшей покинуть седое гнездовье.
Благослови, осени нас высокой любовью,
Прелесть твою возврати нам, сестра!

КАМЕНЬ

Был я камнем, и в твердыню
Встроенный среди камней,
На плечах держу поныне
Древность родины моей.
Кладка общая — доверье
И любовь крепит в камнях.
Льнут к долине Кахабери
И Саингило и Ках.

Был я камнем... Призван к славе —
Глыба, сколок отчих скал —
Я основой Рустави
Для времен грядущих стал.
За стеной стена вставала,
Шел орнамент по камням, —
И в каком из них начало
Наступающим векам?

Был я камнем, твердью, силой
Белых и седых камней.
Этот луг земля вспоила
Белизной моих костей.
Но дыханьем жизни новой
Средь камней дышал и я,
Послужил и я основой
Для величья бытия.

ПАОЛО И ТИЦИАН

Вспомню по сердечному веленью
Блиzkих мне сынов моей земли.
Мнится, в день один, в одно мгновенье
Паоло и Тициан ушли.

Мнится, в день один, все вместе, хором
Спросят в мир пришедшие о них.
Я хочу восставить их пред взором,
Погостить во временах былых.

Вольный дух мне грудь отверз для слова,
И меня навеки взяли в плен
Тот, кто был, как сердце жизни новой,
И стиха грузинского Арсен¹.

Оба не свидетели двадцатых —
Братья этих памятных годов;
Им, двоим — по духу младший брат их —
Я доверил смуту ранних снов.

Сверстников я в них искал впустую:
Позже них родился я на свет.
День за днем, то плача, то ликуя,
Прожил я шестой десяток лет.

Солнце, добрый утешитель, что же
Не считаешь ты моих потерь?
Вот на двадцать лет меня моложе
Паоло и Тициан теперь.

¹ Арсен Одзелашвили — народный герой, вождь восстания начала XIX века.

Цвет меняет возраста примета,
Но, как встарь, бушует в жилах кровь.
Не теряет молодого цвета
Наша нестареющая новь.

Хору народившемуся тесен
Горного хребта широкий склон.
Сердцем я вверяюсь морю песен,
Гулу наступающих времен.

Век мой не обнес меня подарком —
Кормит хлебом завтрашнего дня,
Юность не скудеет в сердце жарком
На седьмом десятке у меня.

И когда, как солнце из тумана,
Жизнь встает и учит петь и жить,
Как могу забыть я Тициана,
Как могу я Паоло забыть?

Учит время:

Даль близка.

И крепок

Как в былые годы наш союз.

Облака —

Улыбок наших слепок,

И в антеннах —

Песни наших Муз.

ВАЖА ПШАВЕЛА НА ПРАЗДНЕСТВЕ НАРОДНОМ

Жертва бедствий и треволнений,
Вновь с высокого рубежа
Гор и неба — глянул наш гений,
Наш певец — столетний Важа.
Он — верхом и в бурке косматой,
С незабвенным своим орлом,
Что еще не при нас когда-то
Бился грудь о грудь с вороньем.

Блещет солнца яркое чудо,
И под солнцем, спустя сто лет,
Мы Важа встречаем —
Алуда,
Я и Миндия—Змеесд,
Дол — навстречу, радости полный,
Горы блещут, главы клоня,
И Арагви сизые волны —
Словно грива его коня.

Храбрецы арагвинцы строим
На могучих мчатся конях.
Нет вовеки смерти героям,
И не снидут Триста во прах.
Поспешай, мой Лурджа ретивый,
За ущельем — пир на весь мир,
Мчись, Арагва — сизая грива,
Пусть Важа поспеет на пир.

Ехать рядом стремя о стремя
Он Алуде знак подает,
С Миндией, как в давнее время,

По-орлиному речь ведет.
Луговин цветущих узоры
Перед ним расстилают горы;
Чтоб ему порадовать взоры,
Тур-самец на дороге ждет.

Кто подковами строки эти
На кремнистых тропах писал?
Рви, Арагва, вёрши и сети,
Пусть прочтет их твой пенный вал!
Скрыв под буркой свои печали,
Здесь вот-вот промчится Важа,
От зеленых вершин Чаргали
Путь к твердыне Мцхеты держи.

То взовьется конская грива,
То плеснет Арагва вдали.
Горы двинулись горделиво,
Словно предки, долу пошли.
Мнится, прошлое воскресает,
Не река придвинулась к нам,
И не духи гор подступают,
Времена идут к временам.

За рекой темнеет дубрава,
Заклубился туман, как дым.
С Мужем Пшавским — Миндия справа,
Слева — рядом — Алуда с ним.
— Уж не здесь ли, —

оба спросили, —

Царь Ираклий стал на привал?
— Как поведал Бараташвили,
Здесь — увы! — он станом стоял.

Царь оперся о дуб плечистый,
Глянул вдаль, но на этот раз

Взоры были слабы и мглисты:
Мудрость не зажгла его глаз.
— О, Трехсот бесстрашных вершина,
Рек твоих не могу я счесть.
Шрамы на груди исполина
Это — доблесть его и честь!

— Вот и Бебрис-цихе руины.
А вон там был убит Илья. —
Ветер гнева треплет седины
И в глаза Важа бьет, горя.
— Прочь от Цицамури, чтобы
Сердцу не пламенеть от злобы.
Не восстать убийце из гроба,
И в земле наместник царя!

Клейма Персии, клейма Рима
С гор мы смыли кровью своей.
Быль седая неотторжима
От потока грядущих дней.
Над Арагвой стань и Курою,
Возвести им, что жизнь твоя
Им обеим стала сестрою
На разливе их бытия.

Море бодрости пред глазами,
А не скорби нищих сердец.
Джвари высится перед нами —
Как природы гордый венец.
Где Армази, Свети-Цховели
Не пускали нас на простор,
Светы новые заблестели
Над вершинами отчих гор.

В этот праздничный день —

Поэта

Ждет с открытым сердцем народ,
И гудит, словно улей, Мцхета:
«Пусть, кто хочет, тот и придет!»
Поджимая ноги, садятся
Горы на берегу речном,
В гладь воды тополя глядятся,
Прихорашиваясь тайком.
Здравствуй, Мцхета! Шире ворота!

Дом грузинский — открытый дом!
Заходите, кому охота,
Все, кто с поезда, с самолета,
Кто верхом и кто с посошком!
Это наша новая Мцхета,
Это праздник народный, это
Жизнь народная бьет ключом!

Плакать по Важа — не годится;
Если пущена вверх стрела,
То она должна возвратиться, —
Не навечно в небо ушла.
Ждет народ, ждут корзины снеди,
Ждет веселый пламень костра,
Ждут Важа к столу и беседе
Наши теплые вечера.

Бьют часы.

Разве это чудо,
Что Важа на праздник пришел,
Что и Миндия и Алуда
Рядом с ним садятся за стол?
От грузинской с призывком речи
У людей теплеют сердца.

Пьет поэт за народ при встрече,
И не видно пиру конца.

Песня с песней и чаша с чашей
Спорят, с каждым часом звучней.
Восхвалили дедов бесстрашье,
Восхваляют мощь сыновей.
И поет, поет гудиствири¹:
Чудеса свершаются в мире —
Порождает искры вода,
Мцхета светится, как звезда!

Хороши окрестные горы,
И долины ласкают взоры,
Словно вышитые узоры,—
Что за ночи здесь, что за дни!
А уж если к земле склониться —
В ней пастушья свирель таится
Или серьги Тамар-царицы,
Только наклонись да копни!

Где земли подолов коснется,
Где красавица ступит шаг —
Роза алая развернется
И в родимых пятнышках мак,
Потому что потом и кровью
Наша Мцхета орошена.
Расцвела, украсившись новью,
Многовековая страна.

Кто за жизнь грузинского слова,
Кто из нас души не отдаст?

¹ Гудиствири — волянка.

Пресекало наше дыханье,
Исторгало слезы из глаз.

И в сердцах от сладчайшей боли
Раскалился священный жар...
— Слава! — загремело застолье,
Грянул звон столкнувшихся чар.
И пока еще над столами
Свет последней строки мерцал,
Тень вдали плеснула крылами
И взвилась над зубцами скал.

Пиршество в союзе со словом,
Устремляющим душу ввысь.
Закаленные в горне новом,
Новые стихи раздались.
Да, Важа и велик и славен,
Но и добр Важа, и о нем
Говорят: — Он, кажется, равен
Каждому из нас за столом.

Тот —
Владевший словом крылатым —
Чуть закончил песню свою —
Затерялся в нашем объятном
Празднестве народным краю.
В суматохе его искали.
— Кто он? — спрашивали о нем.
И глаза у Важа сияли
Слезным и счастливым огнем.

Он исчез, и никто не скажет
Кто его отец и кто мать —
Камень скал? низинная пажить?
Виноградников благодать?

А быть может, он из породы
Тех умельцев мцхетской земли,
Что, трудясь, в минувшие годы
Все дороги окрест прошли?

Может быть, воздвигая стены,
Он дворцами дарит народ,
То ли свой резец вдохновенный
Он сейчас по камню ведет?
А быть может, его Мерани
Снова мчит на крыльях своих?
О, зачем он пропал в тумане
Самых дальних далей земных!

Говорю: — Мы встретимся вскоре!
Сердцем верю: жив человек!
Не ушел за синее море,
Не бежал за тридевять рек!
И вовеки его могилы
Не разроет ворон унылый.
Дух народа исполнен силы.
Я клянусь вам: жив человек!

Сколько раз мы его видали
На пирах, где он запевал!
Сколько раз вековые дали
Он легко преодолевал!
Сколько раз он летел, как птица,
Путь с волной Арагвы держа!
Мне, друзья мои, часто мнится:
Незнакомец — второй Важа.

Зашуметь он заставил Мцхету
Так же, как и поэму эту,
И его стихи — от того

Боевого орла, который
Устремляет светлые взоры,
Со страниц творца своего
На могучие наши горы,
На всеобщее торжество.

Голоса их звучат недаром.
Жив язык полнозвучный наш!
Новое восходит над старым,
Как над этажами этаж.
Да и я, как в прежние лета,
За рубанок взяться готов:
Укрывайся, новая Мцхета,
Стружками счастливых стихов!

ДАИСИ¹

Пришли мне на память руины Гелати,
И Палиашвили,
И мирное солнце в горах на закате...

1

Хвала тебе, зодчий, хвала, исполать!
Ты, молча, заветное высказал слово,
Ты властен был своды на своды поднять,
Твой камень — основа Гелати седого.

Но как неподатлив был твой матерьял!
Он скорбь затаил и смирился, покуда

¹ Переведено совместно с М. Синельниковым. Да и с и — закат (груз.); название оперы Захария Палиашвили.

Однажды не вспыхнул и не зазвучал,
Услышав заката свирельное чудо.

Однажды здесь теплился, будто во сне,
Свечи одинокой огонь, и сладчайший
Свой хлеб надломил мы, и тишине
Доверили таинство вечера нашей.

Прекрасные скалы последнюю пядь
Владений своих темноте уступили,
И, чтоб от беспамятства их удержать,
На помощь призвали мы Палиашвили.

И, мрак разодрав, за хоралом хорал
Обрушился, и от пещер и ущелий,
Царапая крылья о выступы скал,
Печали ночным вороньем отлетели.

Пробился рассвет сквозь завесу времен,
И мы предались его блеску и славе,
И вот — колокольный ликующий звон,
Давно позабытый, слышали въяве.

Томились мы жаждой высоких бесед,
Семь верных святыням нагорного края,
Внимая раскатам промчавшихся лет,
За трапезой душу друзьям открывая.

О, как мы любили твой плащ плющевой,
Вечерней росой увлажненный Гелати!
Чтоб камень обрушить незыблемый твой,
У недругов нет ни мечей, ни заклятий.

И восемь веков ожидали, пока
Заветная тайна твоя возродится,

О, слава минувшая! Издалека
Давидова к нам протянулась десница.

Мы пели, тебя вопрошая: когда
Воспряло твое величавое диво?
Когда же опять воссияла звезда
Над камнем твердыни твоей горделивой?

Светился, лучась, белокаменный храм,
В листве и траве времена заплутали,
Едва удалось из минувшего нам
Уйти невредимо от стольких печалей...

Но кто оживил каменистую грудь
Земли, истомленной застоєм постылым?
Пустынной громаде дыханье вернуть
Одной современности было по силам.

И медлило солнце уйти на закат,
Раскинув свой пурпур над вечерей нашей,
И мы, утоляя восторженный взгляд,
В траву опустили кувшины и чаши.

Так зодчество учит, так время поет,
И вторят их голосу доли и горы:
Ни крепким камням, ни столетьям вразброд
Нельзя удержаться, разрушив опоры...

Так вот почему нас волнует закат,
Шатер свой раскинувший на небосклоне.
Горя, как свеча у подножья громад,
К тебе, наш Гелати, стремится Риони.

Чтоб звездам, тебя украшая, гореть,
Пока их заря еще не ослепила,

В Риони спадает незримая сеть,
У звонкой волны похищая светила.

Не будь нашей клятвы твой камень беречь,
Ты смерти просил бы у грозного рока,
Без жалобы принял бы времени меч...
Стоять одному — значит, пасть одиноко!

Стой, выстояв! Стоит и жить, и пылать,
Коль в небе мечты огневеют повсюду;
Стоять, не старея, дана благодать
Тому, кто причастен высокому чуду.

Мы трепетно дышим величьем твоим,
В пристанище дружеском не откажи нам!
Быть может, еще мы до ночи дадим
В заздравные чаши пролиться кувшинам...

Когда-то сюда мы пришли всемером.
Я знаю свой возраст... Нас трое осталось...
Давайте ж сквозь время пройдем напролом,
И нас не догонит в дороге усталость.

Давайте поспорим, давайте споем
И сердце сольем с полногласьем природы,
Навеки запомним в стремленьи своем,
Что нам завещали гелатские своды!

И помнить я буду, пока не умру,
Как древнее небо над нами алело...
Был с нами на дружеском скромном пиру
Слепой музыкант по прозванию Лео.

Так вот, мой Реваз, пожалеем, что нет
Сегодня слепца вдохновенного с нами,

Что ночь за веселья любил, и рассвет
Стремился он как бы увидеть перстами.

А песня взмывала в небесную высь,
Казалось, незримое солнце встречая,
И тени ночные за нею гнались,
Но песня сильнее, чем нечисть ночная.

О, как мне сейчас не хватает его!
Кто мог бы, коснувшись целительных клавиш,
Сегодня его повторить волшебство,
Уж если унынием душу отравишь.

Ты в сторону только его погляди,
Ты лишь намекни — и раздвинутся сами
Гармони меха у него на груди,
И музыка хлынет, вздыхая мехами.

Торжественность некая есть, мой Реваз,
И в скромном застолье, — в ненастную пору,
Когда от лесов, окружающих нас,
Отвлечься нельзя потрясенному взору.

Кипучие годы ушли далеко,
Но пусть, мой Реваз, этим вечером с нами
Окажется Алхазишвили Нико,
Тебя и его призываю стихами!

Кто в небо влюблен, тот без лестниц взойдет
До свода, лазурного и золотого,
Так нам ли, друзья, не уйти от забот,
С улыбкой не вымолвить братского слова?!

Сюда поднялись мы не травы топтать,
И, юность припомнив, рыдать об утрате,

Но трепетным сердцем принять благодать,
Увидеть закатное солнце Гелати.

Мы видели: скалы кострами горят,
Мы видели горы в багряной короне,
Простерся до самого моря закат,
И встретиться с морем стремился Риони.

Вы помните, как мы окончили путь
И вышли под вечер к воротам Гелати...
О, если б опять, как тогда, потонуть
В закатном огне, в пламенеющем злате!

Священна земли этой каждая пядь,
И солнце, и тень этих стен вдохновенных...
И пальцы слепого пытались поймать
Последние отблески солнца на стенах.

Ему отвечали, таясь до поры
В густеющей мгле и нахлынувшей хмури,
Скрываясь в пещерах лесистой горы,
Дыхание переводя, саламури.

Вздохнули — и сам я готов был запеть,
Прислушавшись к их вековечному горю,
К их лепету... Лео! Скорее ответь,
Сыграй нам вечернюю звонкую зорю.

И ветер коснулся прохладного мха,
Вечерние тени коробя и горбя...
Так пусть, как певучей гармонии меха,
Наполнятся легкие воздухом скорби.

Так пусть расколышат глубокую тишь
Вершины дерев, наши души тревожа,

Ты видишь, слепец, ты в столетья глядишь,
Нет глаз у тебя, но рыдаешь ты все же!..

Ровесники, слезы нам лить ни к чему
И попусту смех расточать не годится,
Пред нами—наш берег заветный... К нему
Нас песня домчит, как могучая птица.

Давайте споем и в себе воскресим
Порыв, обновляющий древнюю славу,
И все, что мы словом удержим своим,
Владением правнуков станет по праву.

И, мрак разодрав, за хоралом хорал
Обрушился, и от пещер и ущелий,
Царапая крылья о выступы скал,
Печали ночным вороньем отлетели.

Потряс небеса твой ликующий хор,
Хвала вдохновению Палиашвили!..
И восемь столетий вступили в собор
И каменным голосом заговорили.

Не известью камень Гелати скреплен,
А кровью, и плотью, и верностью нашей,
Мы поняли тайную повесть времен,
Старинную надпись на чаше, на чаше...

Сравнишь ли ты этот закат, мой Реваз,
С огнем очага под золою печали?
Он — пламя сердец, и в грядущем не раз
Еще разгорится, как в самом начале.

ГОЛОС У ГОЛГОФЫ

Вот я у Голгофы,
 О боже,
 Вот я у Голгофы,
Где свет мне забрезжил
 И день твой погас при распятьи,
Я — чистой молитвы грузин
 Благодатные строфы,
И сонмам безбожных —
 Я Грузии отчей проклятье.

Я — дерево сухое,
 Нагое,
 Безлистное дерево,
Твой цвет — не увянет,
 Твой ствол — непреклонен и строен,
Ты — солнце,
 Распятое
 Дланью неправого гнева.
Тень солнца померкшего —
 Казни я не удостоен.

И ведомо только тебе,
 Только мне,
 О, сладчайший,
Блаженство распятья,
 Что жители слезной юдоли —

Народы земные —
Равняют
С отравленной чашей
И мукой горчайшей, —
Одним только нам,
И не боле.

Я — червь,
Я — молящий о жалости грешник,
Но кто же,
Кто зов твой услышал
И понял, как я?
Ты — властитель
Всех душ,
Всех глубин тайнозритель,
Мой бже,
Но душу твою
Кто, как я, изучил,
Мой учитель?

Кто истинней мог бы,
Смиренней, чем я,
Вдохновенней —
Рыданья души твоей
Горлом почуять до дрожи,
Постичь, почему
Ты, как в полдень взыскующий тени,
Бессмертье само,
Верной смерти возжаждал,
Мой боже.

Кто лучше меня
Знает волю твою,
Что затмила

Дневное светило

И крест возвела при Пилате?
Врата распахнулись небесные,
Зрелость и сила
По слову всевышнего
Пала на плечи дитяти.

И что есть распятие
И эта палящая жажда
Смещения с прахом земным
И небесною влагой?
И разве распятие
Не честь для того,
Кто однажды
Увидел не в жизни
Отраду и высшее благо?

Ревнуя по истине,
Мы откровенья алкали
И, мир постигая,
Мы истине оба служили,
Я — чадо земли,
Плоть от плоти греха и печали,
И ты —
Без греха,
Воплощенный в величье и силе.

И если твой цвет молодой
Затоптало коварство,
То я, как Меджнун,
Годы старости встретил в пустыне,
И мне,
Кроме истины,
Нет ни пути,
Ни лекарства,

И жаждой былою
Томится душа и поныне.

И что же?
Я, смертный,
Достиг ли таинственной цели?
Я верой в нее
Истомил мою душу.

Нашел ли?
Достиг?..
Жизнь кончается,
Сроки приспели,
Мой путь завершен.
Я стою пред тобою,
Мой боже.

О боже, распятый за истину
В Иерусалиме,
Душе моей страстной
Несносны земные утраты.
Я в поисках истины
Зверя степного гонимей,
Судьбою истерзан,
У гроба стою нераспятый.

Пока не исчез я бесследно
Под крышею гроба
В утробе отчизны твоей,
Каменистой и ржавой,
Скажи мне:
К чему
Так стремились при жизни
Мы оба?

Скажи наконец:
Что есть истина,
Боже мой правый.

●

Хожу я,
 Как литературное наследство.
Года
 И ритмы,
 Пестрядь враждовавших школ...
Теперь моя отрада —
 Мирное соседство
Снов памяти моей,
 Их поздний произвол.

У Алазани,
 И в Хахматах,
 И в Чаргали
Те сумерки,
 Те маски,
 Те слова —
Фонд золотой
 Восторгов,
 Счастья и печали —
Лучи, которыми
 Душа моя жива.

Грузинская природа
 И ее сполохи,
Иные краски,
 Те строенья,
 Те дворы,
И те кулисы, те призывы
 Той эпохи,
И громыхавшие
 Трибуны той поры.

И та Колхида,
 ГЭСы те,
 И то Самгори,
Керчь и Моздок,
 Баксаны,
 Стук других колес,
Орудия,
 Вагоны
 И людское горе,
Объятья братские,
 Мощь непролитых слез.

В тумане я блуждаю,
 Словно тень в тумане,
Слова перемещаю
 В небольших стихах,
Теперь
 Глагол на месте —
 Цель моих желаний..

Но
 Жаркая зола
 Еще в моих руках.
Хожу я,
 Как литературное наследство, --
Года
 И ритмы,
 Пестрядь враждовавших школ.
Теперь моя отрада —
 Мирное соседство
Снов памяти моей,
 Их поздний произвол.

ПОЛОВИНА, ОТДАННАЯ ВАМ

Был у древних эберов и греков

Обряд:

В домовину

Опускать половину имущества

Братской рукой.

Вам вослед я отправил

Сокровищ моих

Половину.

Нет.

Вы отняли больше —

И приняли

Вечный покой.

Проходили года,

И хвалили меня,

И хулили,

Иногда я проигрывал битвы

На радость врагам,

И в слезах и в крови

Припадал к вашей правде и силе,

И живу половиной

Сокровищ,

Доставшихся вам.

НАЧАЛО СТИХОТВОРЕНИЯ

Юность — это краткий срок.
Горн в груди,
Огня живого
Сердцем принятый ожог,
Мука музыки и слова.

Юность — это краткий срок,
Это звон небесной чаши,
Это зов земных дорог,
Вера в будущее наше.

Юность — это краткий срок...

Григол Абашидзе

ГРАД

Шла разбойничья рать,
Сумасшедшая конница,
Листья срыву сбивать, —
Ветви гнутся да клонятся.
Вихрь был послан вперед
Брать деревья под локти.
Цвета женского ногтя
Лепестки — вразлет.

Косит град —
Коса блещет,
Пляшет град —
Листва плещет;
Он добычу на удачу
Выбирает по пути,
Бьет в лицо из девяти
Длинноствольных дамбачей.

Как вино шипучее —
Градины колючие
Переполнили пруды,
Бьются около воды —
Не из клювов ли — певучие
Уронили их дрозды?

Колыбель моя — в небесах,
Дни младенчества — улетели,
Этот град, этот звонкий прах —
Только бисер на колыбели.
Подошла на цыпочках мать
К белоснежной моей постели...
Ах, как мог я так долго спать!

Листья сорваны, ветви смяты,
По стволам пробегает дрожь.
Был на ноготь розоватый
Каждый лепесток похож.

Блещет небо грозным оком,
И, рванувшись наугад,
Двинулись одним потоком
Ветер, небеса и град.

Град и ветер схлынут мгновенно.
Хочешь ли ты стихи сложить,

Чтобы они пошли по вселенной
Градом греметь и грозой кружить?

Ты не желаешь пути другого —
Только бы с бурей и веком в лад!—
Где же твое заповедное слово,
Слово прямое, как этот град?

Иль в грозовом орлином клетоте
Голос твой трепетный пропадет,
Так же, как цвета женского ногтя,
Все лепестки — взлет?

НИ ДОЖДЯМИ, НИ ВИХРЕМ

Есть любовь изначальная,
Оправданье вселенной, —
Все мы кости игральные
Красоты несравненной.

Не щедра ты, избранница,
Не полна твоя мера.
Что ни делай, останется
В сердце твердая вера.

Листья сорваны грозами,
Перепутаны бурей,
Но забрезжит над лозами
Проблеск чистой лазури.

Он дождями не смывается,
Вихрем он не сотрется.
Сердце думами кроется,
С горя песня поется, —

Празднуй, неблагосклонная,
Я на праздник не прошен,
Я, как ветка зеленая,
Милой под ноги брошен.

Мерь нещедрою мерою,
Осуди эту ересь:
В красоту твою верую
И умру. не изверься.

ДАРКВЕТСКАЯ ЛУНА

Нечто, похожее на этот лист.
Надвое распавшаяся единая сущность.

Гёте

Приди, я тоскую, приди мне помочь,
Меня окружила даркветская ночь,
А ты, как двойного листа половина,
От стебля единого отделена.
Я твой Модинахе, я прах, я руины.
Нельзя до тебя дотянуться, луна.

Как хлынул бы я, непокорный судьбе,
Рекой полноводной навстречу тебе!
Рванулся — и встретил я полчища вражьи,

Рванулся — и вражьи знамена шумят.
И в каменных латах я замер на страже,
Застывший над бездной немой водопад.

Зачем эти горы покинула ты?
Вернись! Я, как ястреб, гляжу с высоты,
И камни, свидетели славы вчерашней,
Могучие камни окутаны мхом,
И ночь окружила разбитые башни...
А ты в небесах у меня под челом.

К тебе мои темные думы плывут,
Тебя одичалые глыбы зовут,
Когда-то с тобою мы были едины, —
Войди в мою душу, как в те времена.
Я твой Модинахе, я прах, я руины.
Даркветская ты молодая луна.

ПРАВИТЕЛЮ ДЗЕВАХУ¹

Я зову тебя: выйди из гроба!
Я ищу тебя: где ты, Дзевах?
Перед общей судьбою мы оба —
Уходящий в безвременье прах.

Отзовись на мой возглас грузинский,
На призыв стихотворной строки,

¹ Во Мцхета в одной из гробниц найдена именная гемма правителя древней Грузии питиахша Дзеваха.

Чтоб рванулся твой конь исполинский,
Чтобы взвился твой сокол с руки.

Но вдова молодая со стоном
От тебя отвратила лицо,
И на камень холодный со звоном
С мертвых пальцев скатилось кольцо.

Твоего отгоревшего счастья
И биения крови твоей,
Может быть, не забыли запястья,
Виноградины пыльных камней?

Может быть, у твоих украшений
Память есть о движеньях живых,
И твоей истомившейся тени
Вновь коснуться хотелось бы их?

Может быть, ты и вправду измучен
Вдовьим плачем над гробом немым?
Съеден ржавчиной меч, и приучен
Твой охотничий сокол другим.

Может быть, в одинокой могиле
Истлевавшие руки твои
О последних объятьях молили,
О блаженном земном бытии?

Время льнет к твоему изголовью,
Ты в глаза ему прямо смотри, —
Встань, Дзевах! Мы равны пред любовью, —
Питиахши, поэты, цари...

ЗНАМЕНА

Народ грузинский помнит времена,
Когда война
Пылала в нашем стане.
И мы знаменам дали имена:
Горгаслиани и Давитиани.

Потом пришла прекрасная Тамар
И — мнится:
Все окрестные твердыни —
Владычицы грузинской дивный дар.
И лик ее —
Был как мираж в пустыне.

И кровь и слезы воин проливал,
Взглянув на те стрельчатые ресницы,
Но знамени
Он все же не назвал
Благословенным именем царицы.

Не гром нагорья потрясал вокруг, —
Ираклий меч занес рукою смелой,
Чтобы потом
Немало вражьих рук
На башнях победителей чернело.

За ратный труд
Он был вознагражден —
Неизгладимой славы удостоен,
Но именем Ираклия
Знамен.
Не окрестил отчизну спасший воин.

Взлетело знамя,
Пел военный рог,
Смывалась кровью жгучая обида,
Но кто из древних полководцев мог
Превысить Горгаслана и Давида?

Как будто в измерении ином,
Иным огнем
Они дышали оба...
Вахтанга называли
Волком-Львом —
И не смирился он под крышей гроба.

Так — пенье стрел
Любил Вахтанг один,
И нашу славу он донес до Ганга.
И над Кавказом —
Выше всех вершин,
Как радуга,
Светился меч Вахтанга.

И этот меч
Потом извлек Давид.
Чтобы пред ним
Два моря трепетали:
Со старой фрески
Нам в лицо глядит
Живое око,
Полное печали.

Арабский всадник пал к его ногам.
Не спасся турок от его погони—
И держит царь
Золотоглавый храм,

Как робкую голубку,
На ладони.

Строптивый враг
Не смел перечить нам
И никому
Мы не платили дани,
И реяли,
Подобные орлам,
Давитиани и Горгаслиани.

Служители воинственной судьбы
Бросались на врагов неусмиранных,
Подобно львам,
Встающим на дыбы,
Могучим львам
На боевых знаменах.

Когда Тимур
Дорогу пролагал
Хмельным от крови
Полчищам пророка,
Стояли мы
Неколебимей скал
У тех полотнищ,
Поднятых высоко.

Теперь —
Под ветром боя не кипят
Торжественные орифламы эти.
Они в музее
Безмятежно спят,
Овеянные славою столетий.

ТБИЛИСИ

Вы не верите рассказням странным,
На привычную быль непохожим,
Но упал я подбитым фазаном
В этот город на диво проходим.

Я, небесные выси покинув,
Славолю стрелы любви светлолицей, —
Смерть преследует Джелалэддинов,
Чтобы пели в грузинской столице.

Всходит солнце, как водится в песнях,
Брезжит луч за молочным туманом,
Я — лучу и Тбилиси ровесник,
Был и я сотворен Горгасланом.

Это бедное сердце не лживо,
Хоть рассказ мой и смутен и странен.
Бьюсь на улице людям на диво,
Потому что охотницей ранен.

ЗОЛОТОЙ ВИНОГРАДНИК

Живи, одета в светы негасимые,
Да не затмится день высокий твой,
О, щедрая полица мечты моей
И жизни виноградник золотой!

Нас обоих видит мать во сне
И не хочет видеть сна иного.

Яркая, недолгая пора, —
Сад огнем пылает, не сгорая.
— Подойди ко мне, дитя добра,
Подойди: я — молодость без края,

В ожиданье громких саари¹
Вместе мы не будем спать ночами.
О, побудь со мной! Не говори:
— Четверть века пролегло меж нами.

ЛАСТОЧКА И МОРЕ

Ласточка падает с неба стремглав,
Свищет и вьется над кипенью белой,
Острые крылья свои распластав,
Мчится — и вот ее нет: улетела.

Что ей до этой тяжелой волны,
Что ей до кипени этой жемчужной?
Брызги соленые ей не нужны,
Ветра бездомного пенье — не нужно.

Помнишь — со мною была ты вчера?
Ты от меня ничего не хотела.
Я-то ведь знаю, что это — игра
Ласточки быстрой над кипенью белой.

¹ Саари — утренняя застольная песня.

БЕССМЕРТИЕ

Памяти Н. Заболоцкого

Небо легло на Москву тяжело,
Улицы колкой крупой занесло.

В гору брели мы по скользкому снегу,
Лица январь обжигал нам с разбегу.

Дверь отворилась, и люди толпой
Хлынули, будто их вскинул прибой,

И обозначилась очередь в давке:
Книга твоя их ждала на прилавке.

Разве не так получали они
Хлеб свой насущный в военные дни?

Со стороны наблюдал я за ними,
Тихо шепча драгоценное имя:

— Верил ты в это с начала пути,
Стоило бремя страданий нести,

Чтоб поделиться бессмертьем со всеми...
Жаль, не застало тебя это время.

Пускай безумец буду я для мира, —
Ты моего желанья не забудь:

Могилу мне под алычою вырой,
Ее цветы мне урони на грудь.

Когда ты сжечь захочешь сердце это —
В любом саду среди окрестных гор
Из розового персикова цвета,
Из ярких маков разведи костер.

Тогда я в дымных траурных обновах,
Как ивериец, в бурке, на коне,
На крыльях — нет! — на ирисах лиловых
К небесной потянусь голубизне.

Я обезумел в день цветенья мира.
Когда и я покину белый свет,
Могилу мне под алычою вырой,
Сожги в цветах. Других желаний — нет.

Реваз Маргиани

ОРЛЫ

Посвист крыльев, крик орлиный,
В клювах — алые рубины,
— Ворудила —
Стая дружная орлов
Небо над сосной шумливой
бороздила.

У моей широкой нивы,
Наверху сосны шумливой,
— Ворудила —
Свил гнездо один орел,
И в гнездо с женой вошел
серокрылый.

Серое крыло плеснуло,
Серебро в гнезде блеснуло,
— Ворудила —
Мать, орлица из орлиц,
Девять блещущих яиц
положила.

Помоги, родное небо,
Дам тебе вина и хлеба,
— Ворудила —
Яркий свет над головой —
Чудо нивы голубой,
синь и сила!

Счастье отчего предела,
Береги народ мой смелый,
— Ворудила —
Чтобы в сердце у орла
Кровь кипучею была,
как бродило.

Радуй горы и долины,
Пестуй выводок орлиный,
— Ворудила —
Девять молодых птенцов
Крылья над землей отцов
распрямило.

Вырасти ты мне девицу,
Горделивую орлицу,
Братьям вырасти орлиц,
— Ворудила —
Восьмерых ее сестриц.
Пестуй, милуй!

За труды мои в награду
Сердце ласкою порадуй,
— Ворудила —
Полюби мое жилье,
Слово надели мое
вещей силой.

Из гнезда летит орлица,
На груди рубин лучится,
— Ворудила —
Счастье мой родимый дом
Голубым своим крылом
осенило.

На моей земле просторной,
На моей вершине горной,
— Ворудила —
Милая меня нашла,
Сизые смежив крыла,
Словно два луча смежила,
— Ворудила.

ГИМН ЗАХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ

Ворудила раша¹.
Рдеет солнце наше,
уходит без слова,
тени расстелило.
Утром встанет снова.
Войда ворудила².

Тихо дышит поле —
тепло сохранило.
Ясенева листья
солнце долей счастья —
теплом одарило.
Войда ворудила.

Будем ночью длинной
и во сне томиться
под звездой-лучиной,
луной-леденицей:
поскорей бы милое
утро наступило!

Войда ворудила.

Всем на сон грядущий
взять бы ласку солнца.
Завтра, всемогущее,
снова глянь в оконце,
удостой, как ныне,
своей благостыни!

^{1,2} Припевы из народной песни.

Тих закат и ясен.
Покидает солнце
и меня и мамин плат,
и меня и яшень,
и меня — до бела дня —
и теплое поле,
покидает и меня,
и пчелу на воле.

И ни слова, покидая,
не проговорило,
знает: завтра золотая
пробудится сила,
в час урочный встанет солнце.

Войда вурудила!

ОЙДА НАНАИЛА¹

Ойда нанаила.
Жгло меня, палило, —
мне твой жар не страшен,
где твой пламень жгучий?
Вкруг меня — сто башен
да горные кручи.

По леднику — света
отблеск златокрылый.

¹ Припев из народной песни.

Уж не ты ли это
глаза приоткрыло?
Ойда нанаила.

Ойда нанаила.
Цветов не помять бы!
Ты луг разбудило,
тут, наверно, свадьба,
и яркие — пляшут,
и те, что бледнее.
И бабочки машут
крыльями, робея,
здесь дружки такого
задали им страху,
что на лист шелкóвый
не присесть с размаху.

Ойда нанаила.
Утро мне — надежда.
И душа открыла
согретые вежды,
и, лаская взоры,
рядом горы встали.
Вот что могут горы:
как Тамар-царица
все девушки стали.
Небосвод лучится,
полнит шум ущелье
по самые недра:
шлет земле веселье
Ламария¹ щедрый.

¹ Л а м а р и я — языческое божество.

Ойда нанаила.
Солнце, припекая,
сердце опалило.
Тоску расточила
рука золотая.
Легкий ветер славил
солнце, пролетая,
и меня заставил —
как, я сам не знаю —
славить в лад с собою
солнце молодое.

Ойда нанаила.
Сердце охватила
радость. За плечами
ощутил я крылья;
смелыми рывками
к солнцу без усилья
я путем привольным
над родимым краем
мчался, — горным, дольным
эхом подгоняем,
и меня печали
не сопровождали.

Душу я врачую
утром непокая.
Много раз хочу я
пережить такое.
Сердце исцели мне,
помоги мне, время:
я слезами в гимне
изошел не всеми,
мне жизнь поручила
клад блаженной сказки...

И по чьей подсказке
с необычной силой
бьется это сердце?

Ойда нанаила!
Ойда нанаила...

ИАВКАЛТИ

И любовь твоя, и жалость
живы в сердце у меня.
Ты в тот вечер не смеялась,
ты склонилась, как фиалка
на дороге у плетня,
Иавкалти, Иавкалти.

Все мне снится стан твой гибкий,
темных глаз твоих игра.
Яркий блеск твоей улыбки
был похож на разноцветный
блеск фазаньего пера,
Иавкалти, Иавкалти.

Иавкалти, как мне жалко,
что к тебе дороги нет.
Кто бы думал, что фиалка
разожжет пожар несчастий
и прольет потоки бед,
Иавкалти, Иавкалти.

Мне твой взор нужнее хлеба.
Если б ты пришла на миг,
я б крылом коснулся неба,
пел бы в облаке туманном,
если б я тебя настиг.
Прилети ко мне фазаном,
Иавкалти, жди меня
на дороге, у плетня.

Иавкалти, Иавкалти!..

В ПОКИНУТОМ ДОМЕ

Что-то забыл я в покинутом доме —
Нежность,
Печаль,
Сновиденья, быть может?
Вот почему я брожу, как в истоме,
И одиночество душу мне гложет.

Что же из бедных пожитков забыли
Упаковать в день отъезда веселый?
В доме среди запустенья и пыли
Воспоминанья жужжат, словно пчелы.

Жалко сокровищ —
Слетевших ночами
Тайных созвучий,
Раздумий бессонных,
Жалко, что не уложили с вещами
Смех, отдававшийся в стеклах оконных...

КЕТЕВАНА ИРЕМАДЗЕ

Высокую женщину я вспоминаю, —
Она по проспекту идет,
И слышен мне веер ее... я не знаю:
— Иль ветра печальный полет?

И лунные тени бегут по чинарам,
Чинары глядят на луну, —
Недаром грузинки по улицам старым
Любили гулять в старину.

Шелка прошумят и тревожно и странно,
И горло сожмет немота,
Проходит ли Орбелиани Манана,
Сестер Чавчавадзе чета.

Проходит в моих сновиденьях другая —
Спокойна и ликом светла.
Крылатая сила и прелесть былая
Здесь, в Грузии, не умерла.

Высокую женщину я вспоминаю, —
Она по проспекту идет,
И слышен мне веер ее... я не знаю:
— Иль ветра печальный полет?

ЗАЩИТНИКУ РОДИНЫ

Герою Советского Союза Н. Адамия

Под могучим дыханием бури
Туча вдруг развернулась как парус,
И — уже не звеня как чонгури —
Встали волны за ярусом ярус.

И со скрежетом дикая сила
Понесла их на берег вслепую,
И кромешная тьма обступила
Севастополя землю святую.

Грудь героя в железо оделась,
В жилах мощь взволновалась, играя,
Поднялась твоя гордая смелость
Ради чести родимого края.

Ты сражался в ночи непроглядной,
Чтобы Крым возродился на воле,
Чтобы сад зеленел виноградный,
Колосилось пшеничное поле.

Дал ты родине верное слово,
И клинок засверкал исполинский,
Чтобы враг твой заклятый — покрова
Не сорвал с головы материнской.

Так в старинных сказаниях было:
В гущу вражью врубается витязь...
Внукам скажем: недрогнувшей силой
Ваших доблестных дедов гордитесь!

Знамя красное рдело в полнеба,
Пламенела заря молодая.
Враг пришел ради нашего хлеба,
Землю крымскую грыз, умирая.

В жилах кровь закипела мужская,
Как еще не кипела дотоле.
Севастополь в ночи защищая,
Защитил ты отцовское поле.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕЙЛЕ

1. БЕЗЫМЯННЫЙ ЦВЕТОК

Грузии — от северных нагорий
вплоть до южных волн — хвала!
Пестрые цветы в ее уборе
без предела, без числа!
Не собрать их, не окинуть взглядом —
белых, красных, голубых...
Если б ты была со мною рядом,
ты бы утонула в них!
Я долину обошел — и что же!
На твои глаза цветы
и на твой вишневый рот похожи,
а присмотришься — не ты.
Лишь один из них — почти что карий,
нет, не карий, золотой, —
словно вырезанный Опизари,
был на диво схож с тобой.

видят, как горят
два влюбленных взора — горячо и юно.
И опять, как древле,
запевают в лад
огненные души Лейлы и Меджнуна.

Анна Каландадзе

ОМАР ХАЙАМ

В бытность свою в Бухаре Омар Хайам сказал: «Могила моя должна находиться там, где деревья ежегодно будут осыпать мою грудь своими цветами и листьями». Я посетил могилу Хайама в Нишабуре. Она и в самом деле была покрыта опавшими листьями и травой. Тогда я вспомнил слова Хайама и заплакал...

Н и з а м и

Мне утонуть? Пускай! — но только в винной чаше!
Я маком стать хочу, бредущим по холмам, —
Вот он качается, как пьяница горчайший,
Взгляни, Омар Хайам!

Судьба на всем скаку мне сердце растоптала,
И сердце мертвое под стать немым камням,
Но я в душе моей кувшины влаги алой
Храню, Омар Хайам.

Веселье мужества и младости — в кувшинах,
Из праха твоего их вылепил гончар;
Твое дыхание синее в травах длинных,
Целующих ступни носительницам чар.

На грудь твою, Хайам, струится ток багряный,
И пьяный ветер гнет и треплет дерева,
Их корни пьют вино, и сыплются на раны
Сердечные твои — соцветья и листва.

И розе не до сна. Когда она почтила
Созвучья, бережно хранимые людьми,
Кружились лепестки над вековой могилой,
И плакал, как дитя, скиталец Низами.

Из праха твоего все на земле кувшины.
И этот наш кувшин, как все они, из глины,
И не увял тростник — узор у горловины,
И счета нет векам,
Как стали из него впервые пить грузины,
Омар Хайам!

МОРЕ

1

Ты ведомо всем,
ты у всех на устах,
ты всеми любимо,
всем принадлежишь —
это правда?
а, может быть, нет?

И я говорю:
— Ты со мною,
мы неразделимы,
и только мои
ширь твоя,
зыбкий цвет,
синий свет,
гордыня и сила твоя,
и покой молчаливый,
покой говорливый,
и — в ответ на страстный призыв —
желанное да —
это первая клятва прилива, —
горчайшее нет —
это клятву уносит отлив.
Нет, я тебя не понимаю, —
мы с тобою в раздоре.

Я тоже непостижим
для себя самого.
Но знаю: когда бы
тебя понимал я, о море,

Сколько в ящике их ни рассовано
(Я и сам получал их когда-то),
Все равно: раз письмо адресовано,
То дождется оно адресата.

Кто же ты, нетерпением охваченный,
Где же ты? Поспеси убедиться,
Что тебе, как письмо, предназначена
Этой книги любая страница.

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

К СТИХАМ

Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы,
Молчальники и собеседники,
Смиренники и гордецы!

Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.

Мне вытянули горло длинное,
И выкруглили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине,

И я раздвинул жар березовый,
И в печь вошел, как Даниил,
И принял в ней закал свой розовый,
И как пророк заговорил.

Скупой, охряной, неприкаянной —
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы.

ЛАСТОЧКИ

Летайте, ласточки, но в клювы не берите
Ни пилки, ни сверла́, не делайте открытий,
Не подражайте нам; довольно и того,
Что вы по-варварски свободно говорите,
Что зоркие зрачки в почетной вашей свите
И первой зелени святое торжество.

Я в Грузии бывал, входил и я когда-то
По щебню и траве в пустынный храм Баграта —
В кувшин расколотый, и над жерлом его
Висела ваша сеть. И Симон Чиковани
(А я любил его, и мне он был как брат)
Сказал, что на земле пред вами виноват —
Забыл стихи сложить о легком вашем стане,
Что в детстве **здесь** играл, что, может быть, Баграт
И сам с ума сходил от ваших восклицаний.

Я вместо Симона хвалу вам воздаю.
Не подражайте нам, но только в том краю,
Где Симон спит в земле, вы спойте, как в дурмане,
На языке своем одну строку мою.

ЭСХИЛ

В обнимку с молодостью, второпях,
Чурался я отцовского наследия
И не заметил, как в моих стихах
Свила гнездо Эсхилова трагедия.

Почти касаясь клюва и когтей,
Обманутый тысячелетней сказкою,
С огнем и я играл, как Прометей,
Пока не рухнул на́ гору кавказскую.

Гонца богов, мальчишку, холюя,
На крылышках снующего над сценою,
— Смотри, — молю, — вот кровь и кость моя,
Иди, возьми, что хочешь, хоть вселенную!

Никто из хора не спасет меня,
Не крикнет:

«Смилуйся или добей его!»

И каждый стих, звучащий дольше дня,
Живет все той же казнью Прометеевой.

ЦЕЙСКИЙ ЛЕДНИК

Друг, за чашу благодарствуй,
Небо я держу в руке,
Горный воздух государства
Пью на Цейском леднике.

Здесь хранит сама природа
Явный след былых времен —
Девятнадцатого года
Очистительный озон.

А внизу из труб Садона
Сизый тянется дымок,
Чтоб меня во время оно
Этот холод не увлек.

Там над крышами, как сетка,
Дождик дышит и дрожит,
И по нитке вагонетка
Черной бусиной бежит.

Я присутствую при встрече
Двух времен и двух высот,
И колючий снег на плечи
Старый Цее мне кладет.

МЕЛЬНИЦА В ДАРГАВСКОМ УЩЕЛЬЕ

Все жужжит беспокойное веретено —
То ли осы спуют, то ли гнется камыш, —
Осетинская мельница мелет зерно,
Ты в Даргавском ущелье стоишь.

Там в плетеной корзине скрипят жернова,
Колесо без оглядки бежит, как пришлось,
И, в толченый хрусталь окунув рукава,
Белый лебедь бросается вкось.

Мне бы мельника встретить; он жил над рекой,
Ни о чем не тужил и ходил по дворам,
Он ходил-торговал нехорошей мукой,
Горьковатой, с песком пополам.

ДАГЕСТАН

Я лежал на вершине горы,
Я был окружен землей.
Заколдованный край внизу
Все цвета потерял, кроме двух:
Светло-синий,
Светло-коричневый там, где по синему камню писало
перо Азраила,
Вкруг меня лежал Дагестан.

Разве гадал я тогда,
Что в последний раз
Читаю арабские буквы на камнях горделивой земли?
Как я посмел променять на чет и нечет любви
Разряженный воздух горы?

Чтобы здесь
В ложке плавить на желтом огне
Дагестанское серебро?
Петь:
«Там я жил над ручьем,
Мыл в ледяной воде
Простую одежду мою»?

Ты, что бабочкой черной и белой
Не по-нашему дико и смело
И в мое залетела жилье,
Не по-нашему дико и смело
Горше горького сердце мое.
Чернота, окрыленная светом,
Та же черная верность обетам
И платок, ниспадающий с плеч.
А еще в трепетании этом
Тот же яд и грузинская речь.

ДОЖДЬ В ТБИЛИСИ

Мне твой город нерусский
Все еще незнаком, —
Клен под мелким дождем,
Переулок твой узкий,

Под холодным дождем
Слишком яркие фары,
Бесприютные пары
В переулке твоём,

По крутым тротуарам
Бесконечный подъем.
Затерялся твой дом
В этом городе старом.

Бесконечный подъем,
Бесконечные спуски,
Разговор не по-русски
У меня за плечом.

Сеет дождь из тумана,
Капли падают с крыш.
Ты, наверное, спишь,
В белом спишь, Кетевана?

В переулке твоём
В этот час непогожий
Я — случайный прохожий
Под холодным дождем,

В этот час непогожий,
В час, покорный судьбе,
На тоску по тебе
Чем-то странно похожий.

●

То были капли дождевые,
Летающие из света в тень.
По воле случая впервые
Мы встретились в ненастный день.

И только радуги в тумане
Вокруг неярких фонарей
Поведали тебе заранее
О близости любви моей,

О том, что лето миновало,
Что жизнь тревожна и светла,
И как ты ни жила, но мало,
Так мало на земле жила.

Как слезы, капли дождевые
Светились на лице твоём,
А я еще не знал, какие
Безумства мы переживем.

Я голос твой далекий слышу,
Друг другу нам нельзя помочь,
И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

●

Если б, как прежде, я был горделив,
Я бы оставил тебя навсегда.
Все, с чем расстаться нельзя ни за что,
Все, с чем возиться не стоит труда, —
Надвое царство мое разделив.

Я бы сказал:

— Ты уносишь с собой
Сто обещаний, сто праздников, сто
Слов. Это можешь с собой унести.

Мне остается холодный рассвет,
Сто запоздалых трамваев и сто
Капель дождя на трамвайном пути,
Сто переулков, сто улиц и сто
Капель дождя, побежавших вослед.

●

С утра я тебя дожидался вчера,
Они догадались, что ты не придешь,
Ты помнишь, какая погода была?
Как в праздник! И я выходил без пальто.

Сегодня пришла, и устроили нам
Какой-то особенно пасмурный день,
И дождь, и особенно поздний час —

И капли бегут по холодным ветвям.

Ни словом унять, ни платком утереть...

Я боюсь, что слишком поздно
Стало сниться счастье мне.
Я боюсь, что слишком поздно
Потянулся я к беззвездной
И чужой твоей стране.

Мне-то ведомо, какую —
Ночью темной, без огня,
Мне-то ведомо, какую
Неспокойной, молодой
Ты бываешь без меня.

Я-то знаю, как другие,
В поздний час моей тоски,
Я-то знаю, как другие
Смотрят в эти роковые,
Слишком темные зрачки.

И в моей ночи ревнивой
Каблучки твои стучат,
И в моей ночи ревнивой
Над тобою дышит диво —
Первых оттепелей чад.

Был и я когда-то молод.
Ты пришла из тех ночей.
Был и я когда-то молод,
Мне понятен душный холод,
Внешний лед в крови твоей.

ПЕРЕД ЛИСТОПАДОМ

Все разошлись. На прощанье осталась
Оторопь желтой листвы за окном,
Вот и осталась мне самая малость
Шороха осени в доме моем.

Выпало лето холодной иголкой
Из онемелой руки тишины
И запропало в потемках за полкой,
За штукатуркой мышинной стены.

Если считаться начнем, я не вправе
Даже на этот пожар за окном.
Верно, еще рассыпается гравий
Под осторожным ее каблуком.

Там, в законном тревожном покое,
Вне моего бытия и жилья,
В желтом, и синем, и красном—на что ей
Память моя? Что ей память моя?

●

Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке,
Все никак не мог проститься и листок держал в руке.

Свет растекся по брусчатке. На ресницы, и на мех,
И на серые перчатки начал падать мокрый снег.

Шел фонарщик, обернулся. возле нас фонарь зажег,
Засвистел фонарь, заплулся, как пастушеский рожок,

И рассыпался неловкий, бестолковый разговор,
Легче пуха, мельче дроби... Десять лет прошло с тех пор.

Даже адрес потерял я, даже имя позабыл,
И ветом любил другую, ту, что горше всех любил.

А идешь — и капнет с крыши, дом и ниша у ворот,
Белый шар над круглой нишей, и читаешь: кто живет?

Есть особые ворота и особые дома,
Есть особая примета, точно молодость сама.

●

Снова я на чужом языке
Пересуды какие-то слышу —
То ли это плоты на реке,
То ли падают листья на крышу.

Осень, видно, и впрямь хороша.
То ли это она колобродит,
То ли злая живая душа
Разговоры с собою заводит,

То ли сам я к себе не привык.
Плыть бы мне до чужих понизовий,
Петь бы мне, как поет плотовщик,
Побольней, потемней, победовой,
На плоту натянуть дождевик,
Петь бы, шапку надвинув на брови,
Как поет на реке плотовщик
С своей невозвратной любви.

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» —

Я говорил, и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевую тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымилась горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — боже правый! — ты была моя.

Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово ты раскрыло
Свой новый смысл и означало: ц а р ь .

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи — таз, кувшин, — когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

Т. О.-Т.

Вечерний, сизокрылый,
Благословенный свет!
Я словно из могилы
Смотрю тебе вослед.

Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой,

За каждое движение
Твоих прохладных рук,
За то, что утешенья
Не нахожу вокруг,

За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.

Сирени вы, сирени,
И как вам не тяжел
Застывший в трудном крене
Альтовый гомон пчел?

Осталось нетерпенье
От юности моей
В горячей вашей пене
И глубине теней.

А как дохнет по пчелам
И прибежит гроза
И ситцевым подолом
Ударит мне в глаза —

Пойдет прохлада низом
Траву в коленях гнуть,
И дождь по гроздьям сизым
Покатится, как ртуть.

Под вечер — ведро снова,
И, верно, в том и суть,
Чтоб хоть силком смычковый
Лиловый гуд вернуть.

ВЕТЕР

Душа моя затосковала ночью.

А я любил изорванную в клочья,
Исхлестанную ветром темноту
И звезды, брезжушие на лету
Над мокрыми сентябрьскими садами,
Как бабочки с незрячими глазами,
И на цыганской масляной реке
Шатучий мост, и женщину в платке,

Спадавшем с плеч над медленной водою,
И эти руки, как перед бедою.

И кажется, она была жива,
Жива, как прежде, но ее слова
Из влажных Л теперь не означали
Ни счастья, ни желаний, ни печали,
И больше мысль не связывала их,
Как повелось на свете у живых.

Слова горели, как под ветром свечи,
И гасли, словно ей легло на плечи
Все горе всех времен. Мы рядом шли,
Но этой горькой, как полынь, земли
Она уже стопами не касалась
И мне живою больше не казалась.
Когда-то имя было у нее.

Сентябрьский ветер и ко мне в жилие
Врывается —
 то лязгает замками,
То волосы мне трогает руками.

Пока еще последние колена
Последних соловьев не отгремели
И смутно брезжит у твоей постели
Боярышника розовая пена,

Пока ложится железнодорожный
Мост, как самоубийца, под колеса
И жизнь моя над черной рябью плеса
Летит стремглав дорогой непреложной,

Спи, как на сцене, на своей поляне,
Спи,—эта ночь твоей любви короче, —
Спи в сказке для детей, в ячейке ночи,
Без имени, в лесу воспоминаний.

Так вот когда я стал самым собою,
И что ни день—мне новый день дороже,
Но что ни ночь—пристрастнее и строже
Мой суд нетерпеливый над судьбою...

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипальей,
Прямо в руки легло,
Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Все горело светло.
Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло.
Только этого мало.

ПЕСНЯ

Давно мои ранние годы прошли
По самому краю,
По самому краю родимой земли,
По скошенной мяге, по синему раю,
И я этот рай навсегда потеряю.

Колышется ива на том берегу,
Как белые руки.
Пройти до конца по мосту не могу,
Но лучшего имени влажные звуки
На память я взял при последней разлуке.

Стоит у излуки
И моет в воде свои белые руки,
А я перед ней в неоплатном долгу.
Сказал бы я, кто на поемном лугу
На том берегу
За ивой стоит, как русалка над речкой,
И с пальца на палец бросает колечко.

●

Что ты бредишь, глазной хрусталик?
Хоть бы сам себя поберег.
Не качается лодочка-ялик,
Не взлетает птица-нырок.

Камыши полосы прибрежной
Достаются на краткий срок.
Что ты бредишь, неосторожный,
Вдалеке от больших дорог?

Все, что свято, все, что крылато,
Все, что пело мне: «В добрый путь» —
Меркнет в желтом огне заката.
Как ты смел туда заглянуть?

Там ребенок пел загорелый,
Не хотел возвращаться домой,
И качался ялик твой белый
С голубым флажком над кормой.

ЗВЕЗДНЫЙ КАТАЛОГ

До сих пор мне было невдомек —
Для чего мне звездный каталог?
В каталоге десять миллионов
Номеров небесных телефонов,
Десять миллионов номеров

Телефонов марев и миров,
Полный свод свеченья и мерцанья,
Список абонентов мирозданья.
Я-то знаю, как зовут звезду,
Я и телефон ее найду,
Пережду я очередь земную,
Поверну я азбуку стальную:

— А 13-40-25.

Я не знаю, где тебя искать.

Запоеет мембрана телефона:
— Отвечает Альфа Ориона.
Я в дороге, я теперь звезда,
Я тебя забыла навсегда.

Я звезда — денницына сестрица,
Я тебе не захочу присниться,
До тебя мне дела больше нет.
Позвони мне через триста лет.

СТЕПНАЯ ДУДКА

I

Жили, воевали, голодали,
Умирили врозь, по одному.
Я не живописец, мне детали
Ни к чему, я лучше соль возьму.

Из всего земного ширпотреба
Только дудку мне и принесли:
Мало взял я у земли для неба,
Больше взял у неба для земли.

Я из шапки вытряхнул светила,
Выпустил я птиц из рукава.
Обо мне земля давно забыла,
Хоть моим рифмовником жива.

II

На каждый звук есть эхо на земле.
У пастухов кипел кулеш в котле,
Почесывались овцы рядом с нами
И черными стучали башмачками.

Что деньги мне? Что мне почет и честь
В степи вечерней без конца и края?
С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная.
Не различать далеких голосов,
Не ждать благословенных парусов.

III

Где вьюгу на латынь
Переводил Овидий,
Я пил степную синь
И суп варил из мидий.

И мне огнем беды
Дуду насквозь продуло,

И потому лады
Поют, как Мариула,

И потому семья
У нас не без уroda
И хороша моя
Дунайская свобода.

Где грел он в холода
Лепешку на ладони,
Там южная звезда
Стоит на небосклоне.

IV

Земля неплодородная, степная,
Горючая, но в ней для сердца есть
Кузнечика скрипица костяная
И косарем униженная честь.

А где мое грядущее? Бог весть.
Изгнание чужое вспоминая,
С Овидием и я за дестью десть
Листал тетрадь на берегу Дуная.

За желть и желчь любил я этот край
И говорил: — Кузнечик мой, играй!
И говорил: — Семь лет пути до Рима!

Теперь мне и до степи далеко.
Живи хоть ты, глоток сухого дыма,
Шалаш, кожух, овечье молоко.

ТЕЛЕЦ, ОРИОН, БОЛЬШОЙ ПЕС

Могучая архитектура ночи!
Рабочий ангел купол повернул,
Вращающийся на древесных кронах,
И обозначились между стволами
Проемы черные, как в старой церкви,
Забытой богом и людьми.

Но там
Взошли мои алмазные Плеяды.

Семь струн привязывает к ним Саффо
И говорит:

«Взошли мои Плеяды,
А я одна в постели, я одна,
Одна в постели!»

Ниже и левей
В горячем персиковом блеске встали,
Как жертва у престола, золотые
Рога Тельца

и глаз его, горящий
Среди Гиад,
как Ветхого завета
Еще одна скрижаль.

Проходит время,
Но — что мне время?

Я терпелив,
я подождать могу,
Пока взойдет за жертвенным Тельцом
Немыслимое чудо Ориона,
Как бабочка безумная, с купелью
В своих скрипучих проволочных лапках,
Где были крещены Земля и Солнце.

Я подожду,
пока в лучах стеклянных
Сам Сириус —
с египетской, загробной,
собачьей головой —
Взойдет.

Мне раз еще увидеть суждено
Сверкающее это полотенце,
Божественную перемышку счастья,
И что бы люди там ни говорили —
Я доживу, переберу позвездно,
Пересчитаю их по каталогу,
Перечитаю их по книге ночи.

Земля сама себя глотает
И, тычась в небо головой,
Провалы памяти латает
То человеком, то травой.

Трава — под конскою подковой,
Душа — в коробке костяной,
И только слово, только слово
В степи маячит под луной.

А степь лежит, как Ниневия,
И на курганах валуны

Спят, как цари сторожевые,
Опившись оловом луны.

Последним умирает слово,
Но небо движется, пока
Сверло воды проходит снова
Сквозь жесткий щит материка.

Дохнет репейника ресница,
Сверкнет кузнечика седло,
Как радугу, степная птица
Расчешет сонное крыло,

И в сизом молоке по плечи
Из рая выйдет в степь Адам
И дар прямой разумной речи
Вернет и птицам и камням,

Любовный бред самосознания
Вдохнет, как душу, в корни трав,
Трепещущие их названья
Еще во сне пересоздав.

СТИХИ ИЗ ДЕТСКОЙ ТЕТРАДИ

...О, мать Ахайя гористая,
Пробудись, я твой лучник последний...
Из тетради 1921 г.

Почему захотелось мне снова,
Как в далекие детские годы,
Ради шутки не тратить ни слова,
Сочинять величавые оды,

Штурмовать олимпийские кручи,
Нимф искать по лазурным пещерам
И гекзаметр без всяких созвучий
Предпочесть новомодным размерам?

Географию древнего мира
На четверку я помню, как в детстве,
И могла бы Алкеева лира
У меня оказаться в наследстве.

Надо мной не смеялись матросы.
Я читал им:

«О, мать Ахайя!»

Мне дарили они папиросы,
По какой-то Ахайе вздыхая.

За гекзаметр в холодном вокзале,
Где жила молодая свобода,
Мне с винтовками люди давали
Черный хлеб двадцать первого года.

Значит, шел я по верной дороге,
По кремнистой дороге поэта,
И неправда, что Пан козлоногий
До меня еще сгинул со света.

Босиком, но в буденовском шлеме,
Бедный мальчик в священном дурмане,
Верен той же аттической теме,
Я блуждал без копейки в кармане.

Ямб затасканный, рифма плохая, —
Только бредни, постылые бредни,
И достойней:
 «О, мать Ахайя,
Пробудись, я твой лучник последний...»

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть роют щели хоть под воскресенье,
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться до войны,
Предупредить, кого убить должны,

Мне вон тому сказать необходимо:
— Иди сюда, и смерть промчится мимо.

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.

Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

ПОЛЕВОЙ ГОСПИТАЛЬ

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен
Базарной жирной гирей.

Это было
Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков
С расколотыми черепами, черных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.

В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых ластвах пара,
И ни вороньих свадеб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том нимбе,
Где я лежал в позоре, в наготы,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.

Но сдвинулся и на оси пошел
По кругу щит слепительного снега,
И низко у меня над головой
Семерка самолетов развернулась,
И марля, как древесная кора,
На теле затвердела, и бежала
Чужая кровь из колбы в жилы мне,
И я дышал, как рыба на песке,
Глотая твердый, слюдяной, земной,
Холодный и благословенный воздух.

Мне губы обметало, и еще
Меня поили с ложки, и еще
Не мог я вспомнить, как меня зовут,

Но ожил у меня на языке
Словарь царя Давида.

А потом
И снег сошел, и ранняя весна
На цыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зеленым.

ПРОВОДЫ

Вытрет губы, наденет шинель
И не глядя жену поцелует.
А на улице ветер лютует,
Он из сердца повывудет хмель.

И потянется в город обоз,
Не добудешь ста грамм по дороге,
Только ветер бросается в ноги
И глаза обжигает до слез.

Был колхозником — станешь бойцом
Пусть о родине, вольной и древней,
Мало песен сложили в деревне —
Выйдешь в поле, и дело с концом.

А на выезде плачет жена,
Причитая и руки ломая,
Словно черные кони Мамаю
Где-то близко, как в те времена,
Мчатся, снежную пыль подымая,
Ветер бьет, и звенят стремяна.

●

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать, —
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.

Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,

У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток —
Бездомовный напиток —
В жестяной котелок.

Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темнотой засыпая,
Ничего не хотеть —

Ни дороги попятной,
Разоренной войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой, —

Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук —
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук.

●

Стояла батарея за этим вот холмом,
Нам ничего не слышно, а здесь остался гром,
Под этим снегом трупы еще лежат вокруг,
И в воздухе морозном остались взмахи рук.
Ни шагу знаки смерти ступить нам не дают.
Сегодня снова, снова убитые встают.
Сейчас они услышат, как снегири поют.

ЗЕМЛЯ

За то, что на свете я жил неумело,
За то, что не кривдой служил я тебе,
За то, что имел небессмертное тело,
Я дивной твоей сопричастен судьбе.

К тебе, истомившись, потянутся руки
С такой наболевшей любовью обнять,
Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять.

И грязь на дорогах твоих несладима,
И тощая глина твоя солона.
Слезам солдатскими будешь хранима
И вдовьей смертельною скорбью сильна.

●

Я в детстве заболел
От голода и страха. Корку с губ
Сдеру — и губы облизну; запомнил
Прохладный и солоноватый вкус.
А все иду, а все иду, иду,
Сажу на лестнице в парадном, греюсь,
Иду себе в бреду, как под дуду
За крысоловом в реку, сяду—греюсь
На лестнице; и так знобит и эдак.
А мать стоит, рукою манит, будто
Невдалеке, а подойти нельзя:
Чуть подойду — стоит в семи шагах,
Рукою манит; подойду — стоит
В семи шагах, рукою манит.

Жарко

Мне стало, расстегнул я ворот, лег —
Тут затрубили трубы, свет по векам
Ударил, кони поскакали, мать
Над мостовой летит, рукою манит —
И улетела...

И теперь мне снится
Под яблонями белая больница,
И белая под горлом простыня,
И белый доктор смотрит на меня,
И белая в ногах стоит сестрица
И крыльями поводит. И остались.
А мать пришла, рукою поманила —
И улетела...

●

А в доме у Тарковских
Полным-полно приезжих,
Гремят посудой, спорят,
Не разбирают елки,

И сыплются иголки
В зеркальные скорлупки,
Пол серебром посолен,
А самый младший болен.

На лбу компресс, на горле
Компресс. Идут со свечкой:
Малиной напоили?
Малиной напоили.

В углу зажгли лампадку,
И веялку приносят,
И ставят на площадку,
И крутят рукоятку,

И сыплются обрезки —
Жестянки и железки.
Вставай, пойдем по краю,
Я все тебе прощаю.

То под гору, то в гору
Пойдем в другую пору
По зимнему простору,
Малиновому снегу.

●

Тогда еще не воевали с Германией,
Тринадцатый год был еще в середине,
Неведеньем в доме болели, как манией,
Как жаждой три пальмы в песчаной пустыне.

У матери пахло спиртовкой, фиалкою,
Лиловой накидкой в шкафу на распялке;
Все детство мое, по-блаженному жалкое,
В горячей спиртовке и пармской фиалке.

Зато у отца, как в Сибири у ссыльного,
Был плед Гарибальди и Герцен под локтем.
Ванилью тянуло от города пыльного,
От пригорода — конским потом и дегтем.

Казалось, что этого дома хозяева
Навечно в своей довоенной Европе,
Что не было, нет и не будет Сараева,
И где они, эти мазурские топи?..

ЗУММЕР

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

Так последний связист под обстрелом,
От большого пути в стороне,
Прикрывает расстрелянным телом
Ящик свой на солдатском ремне.

На снегу в затвердевшей шинели,
Кулаки к подбородку прижав,
Он лежит, как дитя в колыбели,
Правотой несравненною прав.

Где когда-то с боями прошли мы
Ст большого пути в стороне,
Разбегается неповторимый
Терпкий звук на широкой волне.

Это старая честь боевая
Говорит:
— Я земля. Я земля, —
Под землей провода расправляя
И корнями овсов шевеля.

ПОЗДНЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Не для того ли мне поздняя зрелость,
Чтобы, за сердце схватившись, оплакать
Каждого слова сентябрьскую спелость,
Яблока тяжесть, шиповника мякоть,

Над лесосекой тянувшийся порох,
Сухость брусничной поляны, и ради

Правды—вернуться к стихам, от которых
Только помарки остались в тетради.

Все, что собрали, сложили в корзины,
И на мосту прогремела телега.
Дай мне еще наклониться с вершины,
Дай удержаться до первого снега.

НА БЕРЕГУ

Он у реки сидел на камыше,
Накошенном крестьянами на крыши,
И тихо было там, а на душе
Еще того спокойнее и тише.
И сапоги он скинул. И когда
Он в воду ноги опустил, вода
Заговорила с ним, не понимая,
Что он не знает языка ее.
Он думал, что вода — глухонемая,
А суть ее в том, что она — жильё
Рыб, что над ней летают коромысла
И ловят комаров или слепней,
Что хочешь мыться—мойся, хочешь—пей,
И что в воде другого нету смысла.

И правда, чуден был язык воды,
Рассказ какой-то про одно и то же,
На свет звезды, на беглый блеск слюды,
На предсказание беды похожий.
И что-то было в нем от детских лет,
От непривычки мерить жизнь годами

И от того, чему названья нет,
Что по ночам проходит перед снами,
От грозного, как ранние года,
Растительного самоощущенья.

Вот какова была в тот день вода
И речь ее без смысла и значенья.

ДЕРЕВО ЖАННЫ

Мне говорят, а я уже не слышу,
Что говорят. Моя душа к себе
Прислушивается, как Жанна д'Арк.
Какие голоса тогда поют!

И управлять я научился ими:
То флейты вызываю, то фаготы,
То арфы. Иногда я просыпаюсь,
А все уже давным-давно звучит,
И кажется — финал не за горами.

Привет тебе, высокий ствол и ветви
Упругие, с листвой зелено-ржавой,
Таинственное дерево, откуда
Ко мне слетает птица первой ноты!

Но стоит взяться мне за карандаш,
Чтоб записать словами гул литавров,
Охотничьи сигналы духовых,

Весенние размытые порывы
Смычков, — я понимаю, что со мной:

Душа к губам прикладывает палец —
Молчи! Молчи!

И все, чем смерть жива
И жизнь сложна, приобретает новый, —
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл. И я молчу, но я
Весь без остатка, весь как есть—в раструбе
Воронки, полной утреннего шума.

Вот почему, когда мы умираем,
Оказывается, что ни полслова
Не написали о себе самих,
И то, что прежде нам казалось нами,
Идет по кругу
Спокойно, отчужденно, вне сравнений
И нас уже в себе не заключает.

Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна!
Пусть коронован твой король, — какая
Заслуга в том? Шумит волшебный дуб,
И что-то голос говорит, а ты
Огнем горишь в рубахе не по росту.

АНЖЕЛО СЕККИ

— Прости, мой дорогой мерцовский
экваториал!

Слова Секки

Здесь, в Риме, после долгого изгнания,
Седой, полуслепой, полуживой,
Один среди небесного сиянья
Стоит он с непокрытой головой.

Дыханье Рима как сухие травы,
Привет тебе, последняя ступень!
Судьба лукава и цари неправы,
А все-таки настал и этот день.

От мерцовского экваториала
Он старых рук не властен оторвать;
Урагия не станет, как бывало,
В пустынной этой башне пировать.

Глотая горький воздух, гладит Секки
Давным-давно не чищенную медь.
— Прекрасный друг, расстанемся навеки,
Дай мне теперь спокойно умереть.

Он сходит по ступеням обветшалым
К небытию, во прах, на страшный суд,
И ласточки над экваториалом,
Как вестницы забвения, снуют.

Еще ребенком я оплакал эту
Высокую, мне родственную тень,
Чтоб, вслед за ней пройдя по белу свету,
Благословить последнюю ступень.

ЗЕМНОЕ

Когда б на роду мне написано было
 Лежать в колыбели богов,
Меня бы небесная мамка вспоила
 Святым молоком облаков.

И стал бы я богом ручья или сада,
 Стерег бы хлеба и гроба, —
Но я человек, мне бессмертья не надо:
 Страшна неземная судьба.

Спасибо, что губ не свела мне улыбка
 Над солью и желчью земной.
Ну что же, прощай, олимпийская скрипка,
 Не смейся, не пой надо мной.

Пускай меня простит Винсент Ван-Гог
За то, что я помочь ему не мог,

За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,

За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,

За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться.

Стою себе, а надо мной навис
Закрученный, как пламя, кипарис.

Лимонный крон и темно-голубое, —
Без них не стал бы я самим собою;

Унизил бы я собственную речь,
Когда б чужую ношу сбросил с плеч.

А эта грубость ангела, с какою
Он свой мазок роднит с моей строкою,

Ведет и вас через его зрачок
Туда, где дышит звездами Ван-Гог.

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать.
Я ловил соответствия звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка — слеза,
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове правда мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

ЯВЬ И РЕЧЬ

Как зрение — сетчатке, голос — горлу,
Число — рассудку, ранний трепет — сердцу.
Я клятву дал вернуть мое искусство
Его животворящему началу.

Я гнул его, как лук, я тетивой
Душил его — и клятвой пренебрег.

Не я словарь по слову составлял,
А он меня творил из красной глины;
Не я пять чувств, как пятерню Фома,
Вложил в зияющую рану мира,

А рана мира облегла меня;
И жизнь жива помимо нашей воли.

Зачем учил я посох прямизне,
Лук—кривизне и птицу—птичьей роще?
Две кисти рук, вы на одной струне,
О явь и речь, зрачки расширьте мне
И причастите вашей царской мощи.

И дайте мне остаться в стороне
Свидетелем свободного полета
Воздвигнутого чудом корабля,
О, два крыла, две лопасти оплота,
Надежного, как воздух и земля!

РИФМА

Не высоко я ставлю силу эту:
И зяблики поют. Но почему
С рифмовником бродить по белу свету
Наперекор стихиям и уму
Так хочется и в смертный час поэту?

И как ребенок «мама» говорит,
И мечется, и требует покрова,
Так и душа в мешок своих обид
Швыряет, как плотву, живое слово:
За жабры — хватать! и рифмами двойт.

Сказать по правде, мы уста пространства
И времени, но прячется в стихах
Кощеевой считалки постоянство.
Всему свой срок: живет в пещере страх,
В созвучье—допотопное шаманство,

И может быть, семь тысяч лет пройдет,
Пока поэт, как жрец, благоговейно,
Коперника в стихах перепоеет,
А там, глядишь, дойдет и до Эйнштейна.
И я умру, и тот поэт умрет,

Но в смертный час попросит вдохновенья,
Чтобы успеть стихи досочинить:
— Еще одно дыханье и мгновенье!
Дай эту нить связать и раздвоить!
Ты помнишь рифмы влажное биенье?

О Д А

Мало мне воздуха, мало мне хлеба,
Льды, как сорочку, сорвать бы мне с
плеч,

В горло вобрать бы лучистое небо,
Между двумя океанами лечь,
Пóд ноги лечь у тебя на дороге
Звездной песчинкою в звездный песок,
Чтоб над тобою крылатые боги
Перелетали с цветка на цветок.

Ты бы могла появиться и раньше
И приоткрыть мне твою высоту,
Раньше могли бы твои великанши
Книгу твою развернуть на лету,
Раньше могла бы ты новое имя
Мне подобрать на своем языке, —
Вспыхнуть бы мне под стопами твоими
И навсегда затеряться в песке.

Подложи мне под голову руку
И восставь меня, как до зари
Подымала на счастье и муку,
И опять к высоте привари,

Чтобы пламя твое ледяное
Синей солью стекало со лба
И вниз, как с горы, предо мною
Шевелились леса и хлеба,

Чтобы кровь из-под стоп, как с предгорий,
Жарким деревом вниз головой,
Каждой веткой ударилась в море
И несла корабли по кривой,

Чтобы вызов твой ранний сначала
Прозвучал и в горах не затих.
Ты в созвездья других превращала.
Я и сам из преданий твоих.

ДО СТИХОВ

Когда, еще спросонок, тело
Мне душу жгло и предо мной
Огнем вперед судьба летела
Неопалимой купиной —

Свистели флейты ниоткуда,
Кричали у меня в ушах
Фанфары, и земного чуда
Ходила сетка на смычках.

И в каждом цвете, в каждом тоне
Из тысяч радуг и ладов
Окрестный мир стоял в короне
Своих морей и городов.

И странно, от всего живого
Я принял только свет и звук, —
Еще грядущее ни слова
Не заронило в этот круг...

О, только бы привстать, опомниться, очнуться
И в самый трудный час благословить труды,
Вспоившие луга, вскормившие сады,
В последний раз глотнуть из выгнутого блюда

Листа ворсистого
хрустальный мозг воды.

Дай каплю мне одну, моя трава земная,
Дай клятву мне взамен—принять в наследство речь,
Гортанью разрастись и крови не беречь,
Не помнить обо мне и, мой словарь ломая,
Свой пересохший рот моим огнем обжечь.

ДЕРЕВЬЯ

I

Чем глуше крови страстный ропот
И верный кров тебе нужней,
Тем больше ценишь трезвый опыт
Спокойной зрелости своей.

Оплакав молодые годы,
Молочный брат листвы и трав,
Глядишься в зеркало природы,
В ее лице свое узнав.

И собеседник и ровесник
Деревьев полувековых,
Ищи себя не в ранних песнях,
А в росте и упорстве их.

Им тяжело собственное бремя,
Но с каждой новою весной
В их жесткой сердцевине время
За слоем отлагает слой.

И крепнет их живая сила,
Двоятся ветви их, деля
Тот груз, которым одарила
Своих питомцев мать-земля.

О чем скорбя, в разгаре мая
Вдоль исполинского ствола
На крону смотришь, понимая,
Что мысль взамену чувств пришла?

О том ли, что в твоих созвучьях
Отвердевает кровь твоя,
Как в терпеливых этих сучьях
Луч солнца и вода ручья?

II

Державы птичьей нищеты,
Ветров зеленые кочевья,
Ветвями ищут высоты
Слепорожденные деревья.

Зато как войны стройны,
Очеловеченные нами,
Стоят, и соединены
Земля и небо их стволами.

С их плеч, когда зима придет,
Слетит убранство золотое:

Пусть отдохнет лесной народ,
Накопит силы на покое.

А листья — пусть лежат они
Под снегом, ржавчина природы.
Сквозь щели сломанной брони
Живительные брызнут воды,

И двинется весенний сок,
И сквозь кору из черной раны
Побега молодого рог
Проглянет, нежный и багряный.

И вот уже в сквозной листве
Стоят округ земли прогретой
И света ищут в синеве
Еще, быть может, до рассвета.

— Как будто горцы к нам пришли
С оружием своим старинным
На праздник матери-земли
И станом стали по низинам.

Созвучья струн волосяных
Налетом птичьим зазвучали,
И пляски ждут подруги их,
Держа в точеных пальцах шали.

Людская плоть в родстве с листвою,
И мы чем выше, тем упорней:
Древесные и наши корни
Живут порукой круговой.

ВЕРБЛЮД

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках
Как вата в столетнем халате.

Должно быть, молясь на восток,
Кочевники перемудрили,
В подшерсток втирали песок
И ржавой колючкой кормили.

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынный-господь
Слепил из отходов творенья.

И в ноздри вложили замок,
А в душу — печаль и величье,
И верно, с тех пор погромом
На шее болтается птичьей.

По Черным и Красным пескам,
По дикому зною бродяжил,
К чужим пристрастился тюкам,
Копейки под старость не нажил.

Привыкла верблюжья душа
К пустыне, тюкам и побоям.
А все-таки жизнь хороша,
И мы в ней чего-нибудь стоим.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

...Как волна на волну набегает,
Гонит волну пред собой,
нагоняема сзади волною,
Так же бегут и часы...

О в и д и й. «Метаморфозы», XV¹

Ты ангел и дитя, ты первая страница,
Ты катишь колесо приборя пред собой —
Волну вослед волне, и гонишь, как приборй,
За часом новый час — часы, как часовщица.

И все, что бодрствует, и все, что спит и снится,
Слетается на пир зелено-голубой,
А я клянусь тебе, что княжил над судьбой,
И хоть поэтому ты не могла не сбыться.

Я под твоей рукой, а под рукой моей
Земля семи цветов и синь семи морей,
И суток лучший час, и лучший месяц года,

И лучшая пора бессонниц и забот —
Спугнет тебя иль нет в час твоего прихода
Касатки головокружительный полет.

¹ Перевод С. Шервинского.

МАЛЮТКА ЖИЗНЬ

Я жизнь люблю и умереть боюсь.
Взглянули бы, как я под током бьюсь
И гнусь, как язь в руках у рыболова,
Когда я перевоплощаюсь в слово.

Но я не рыба и не рыболов.
И я из обитателей углов,
Похожий на Раскольникова с виду.
Как скрипку, я держу свою обиду.

Терзай меня — не изменюсь в лице.
Жизнь хороша, особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в судный день — с иголкою в гортани.

А! Этот сон! Малютка жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!

Пляшет перед звездами звезда,
Пляшет колокольчиком вода,
Пляшет шмель и в дудочку дудит,
Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле,
Плачет погорелец на золе,
Плачет мать над люлькою пустой,
Плачет крепкий камень под пятой.

ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ...

1

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно все. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

2

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, —
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,

Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

3

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стременах.

Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Я не буду спать
Ночью новогодней,
Новую тетрадь
Я начну сегодня.

Ради смысла дат
И преображенья
С головы до пят
В плоть стихотворенья —

Год переберу,
Месяцы по строчке
Передам перу
До последней точки.

Где оно — во мне
Или за дверями,
В яви или сне
За семью морями,

В пляске по снегам
Белой круговерти, —
Я не знаю сам,
В чем мое бессмертье,

Но из декабря
Брошусь к вам, живущим
Вне календаря,
Наравне с грядущим.

О, когда бы рук
Мне достало на год
Кончить новый круг!
Строчки сами лягут...

ЗАГАДКА С РАЗГАДКОЙ

Кто, еще прозрачный школьник,
Учит Музу чепухе
И торчит, как треугольник,
На шатучем лопухе?

Головастый внук Хирона,
Полувсадник-полуконь,
Кто из рук Анакреона
Вынул скачущий огонь?

Кто, Державину докука,
Хлебникову брат и друг,
Взял из храма ультразвука
Золотой зубчатый лук?

Кто, коленчатый, зеленый
Царь, циркач или божок,
Для меня сберег каленый,
Норовистый их смычок?

Кто стрекочет, и пророчит,
И антеннами усов
Пятки времени щекочет,
Как пружинками часов?

Мой кузнечик, мой кузнечик,
Герб державы луговой!
Он и мне протянет глечик
С ионийскою водой.

●
И я ниоткуда
Пришел расколоть
Единое чудо
На душу и плоть,

Державу природы
Я должен рассечь
На песню и воды,
На сушу и речь.

И, хлеба земного
Отведав, прийти
В свечении слова
К началу пути.

Я сын твой, отрада
Твоя, Авраам,
И жертвы не надо
Моим временам,

А сколько мне в чаше
Обид и труда...
И после сладчайшей
Из чаш —
никуда?

Струнам счет ведут на лире
Наши древние права,
И всего дороже в мире
Птицы, звезды и трава.

До заката всем народом
Лепят ласточки дворец,
Перед солнечным восходом
Опускает лук Стрелец.

И в кувшинчик из живого
Персефонины стекла
Вынуть хлебец свой медовый
Опускается пчела.

Потаенный ларь природы
Отмыкает нищий царь
И крадет залог свободы —
Летних месяцев букварь.

Дышит мята в каждом слове,
И от головы до пят
Шарики зеленой крови
В капиллярах шебуршат.

С Н Ы

Садится ночь на подоконник,
Очки волшебные надев,
И длинный вавилонский сонник,
Как жрец, читает нараспев.

Уходят вверх ее ступени,
Но нет перил над пустотой,
Где судят тени, как на сцене,
Иноязычный разум твой.

Ни смысла, ни числа, ни меры.
А судьбы кто? И в чем твой грех?
Мы вышли из одной пещеры,
И клинопись одна для всех.

Явь от потопа до Эвклида
Мы досмотреть обречены.
Отдай — что взял; что видел — выдай!
Тебя зовут твои сыны.

И ты на чьем-нибудь пороге
Найдешь когда-нибудь приют,
Пока быки бредут, как боги,
Боками трутся на дороге
И жвачку времени жуют.

●

Если правду сказать,
я по крови — домашний сверчок,
Заповедную песню
пою над печною золой,
И один для меня
приготовит крутой кипяток,
А другой для меня
приготовит шесток золотой.

Путешественник вспомнит
мой голос в далеком краю,
Даже если меня
променяет на знойных цикад.
Сам не знаю, кто выстругал
бедную скрипку мою,
Знаю только, что песнями
я, как цикада, богат.

Сколько русских согласных
в полночном моем языке,
Сколько я поговорок
сложил в коробок лубяной,
Чтобы шарили дети
в моем лубяном коробке,
В старой скрипке запечной
с единственной медной струной.

Ты не слышишь меня,
голос мой — как часы за стеной,
А прислушайся только —
и я поведу за собой,

Я весь дом подыму:
 просыпайтесь, я сторож ночной!
И заречье твое
 отзовется сигнальной трубой.

ДОЖДЬ

Как я хочу вдохнуть в стихотворенье
Весь этот мир, меняющий обличье:
Травы неуловимое движенье,

Мгновенное и смутное величье
Деревьев, раздраженный и крылатый
Сухой песок, щебечущий по-птичьи, —

Весь этот мир, прекрасный и горбатый,
Как дерево на берегу Ингула.
Там я услышал первые раскаты

Грозы. Она в бараний рог согнула
Упрямый ствол, и я увидел крону —
Зеленый слепок грозового гула.

А дождь бежал по глиняному склону,
Гонимый стрелами, ветвисторогий,
Уже во всем подобный Актеону.

У ног моих он пал на полдороге.

СЛОВАРЬ

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам — боль моя и благо —
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ святого языка.

Я призван к жизни кровью всех рождений
И всех смертей, я жил во времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.

Его словарь открыт во всю страницу,
От облаков до глубины земной.
— Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в креницу
Зеленый, рдяный, ржавый, золотой...

ПОСРЕДИНЕ МИРА

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд,
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянусь, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое,
И — боже мой! — какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток.

ТИТАНИЯ

Прямых стволов благословение
И млечный пар над головой,
И я ложусь в листву осеннюю,
Дышу подспудицей грибной.

Мне грешная моя, невинная
Земля моя передает
Свое терпенье муравьиное
И душу крепкую, как йод.

Кончаются мои скитания.
Я в лабиринт корней войду
И твой престол найду, Титания,
В твоей державе пропаду.

Что мне в моем погибшем имени?
Твой ржавый лист — моя броня,
Кляни меня, но не гони меня,
Убей, но не гони меня.

МЩЕНИЕ АХИЛЛА

Фиолетовой от зноя
Остывающей рукой
Рану смертную потрогал
Умиравший Патрокл,

И последнее, что слышал, —
Запредельный вой тетив,
И последнее, что видел, —
Пальцы склеивает кровь.

Мертв лежит он в чистом поле,
И Ахилл не пьет, не ест,
И пока ломает руки,
Щит кует ему Гефест.

Равнодушно пьют герои
Хмель времен и хмель могил,
Мчит вокруг горящей Трои
Тело Гектора Ахилл.

Пожалел Ахилл Приама,
И несет старик Приам
Мимо дома, мимо храма
Жертву мстительным богам.

Не Ахилл разрушит Трои,
И его лучистый щит
Справедливою рукою
Новый мститель сокрушит.

И еще на город ляжет
Семь пластов сухой земли,
И стоит Ахилл по плечи
В щебне, прахе и золе.

Так не дай пролить мне крови,
Чистой, грешной, дорогой,
Чтобы клейкой красной глины
В смертный час не мять рукой.

ЭВРИДИКА

У человека тело
Одно, как одиночка.
Душе осточертела
Сплошная оболочка

С ушами и глазами
Величиной в пятак
И кожей — шрам на шраме,
Надетой на костяк.

Летит сквозь роговицу
В небесную криницу,
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.

Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, —
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:
Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?

И снится мне другая
Душа, в другой одежде:
Горит, перебегая
От робости к надежде,
Огнем, как спирт, без тени
Уходит по земле,
На память гроздь сирени
Оставив на столе.

Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной
И палочкой по свету

Гони свой обруч медный,
Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело и сухо
Земля шумит в ушах.

КОРА

Когда я вечную разлуку
Хлебну, как ледяную ртуть,
Не уходи, но дай мне руку
И проводи в последний путь.

Постой у смертного порога
До темноты, как луч дневной,
Побудь со мной еще немного
Хоть в трех аршинах надо мной.

Ужасный рот царицы Кору
Улыбкой привечает нас,
И душу обнажают взоры
Ее слепых загробных глаз.

ФЛЕЙТА

Мне послышался чей-то
Затихающий зов,
Бесприютная флейта
Из-за гор и лесов.

Наклоняется ива
Над студеным ручьем,
И ручей торопливо
Говорит ни о чем,

Осторожный и звонкий,
Будто веретено,
То всплывает в воронке,
То уходит на дно.

БЕДНЫЙ РЫБАК

Я рыбак, а сети
В море унесло.
Мне теперь на свете
Пусто и светло.

И моя отрада
В том, что от людей
Ничего не надо
Нищете моей.

Мимо всей вселенной
Я пойду, смиренный,
Тихий и босой,
За благословенной
Утренней звездой.

ОЛИВЫ

Марине Т.

Дорога ведет под обрыв,
Где стала трава на колени
И призраки диких олив,
На камни рога положив,
Застыли, как стадо оленей.
Мне странно, что я еще жив
Средь стольких могил и видений.

Я сторож вечерних часов
И серой листвы надо мною.
Осеннее небо мой кров.
Не помню я собственных снов
И слез твоих поздних не стою.
Давно у меня за спиною
В камнях затерялся твой зов.

А где-то судьба моя прячет
Ключи у степного костра,
И спутник ее до утра
В багровой рубахе маячит.
Ключи она прячет и плачет
О том, что ей песня сестра
И в путь собираться пора.

Седые оливы, рога мне
Кладите на плечи теперь,
Кладите рога, как на камни:
Святой колыбелью была мне
Земля похорон и потерь.

●
Красный фонарик стоит на снегу.
Что-то я вспомнить его не могу.

Может быть, это листок-сирота,
Может быть, это обрывок бикта.

Может быть, это на снежную ширь
Вышел кружить красногрудый снегирь,

Может быть, это морочит меня
Дымный закат окаянного дня.

●
Меркнет зрение — сила моя,
Два незримых алмазных копья,
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома,
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волы,
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сторел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,

Как весселя последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Догореть и затихнуть, как слово.

●

Что тревожишь ты меня,
Что ты значишь ..

А. С. Пушкин

Разобрал головоломку —
Не могу ее сложить.
Подскажи хоть ты потомку,
Как на свете надо жить —

Ради неба, или ради
Хлеба и тщеты земной,
Ради сказанных в тетради
Слов—идущему за мной?

Под окном — река забвенья,
Испарения болот,
Хмель чужого поколенья
И тревожит, и влечет:

Я кричу, а он не слышит,
Жжет свечу до бела дня,
Будто мне в ответ он пишет:
«Что тревожишь ты меня?»

Боже правый, неужели
Вслед за ним пройду и я
В жизнь из жизни мимо цели,
Мимо смысла бытия?

МАНЕКЕН

В мастерской живописца сидит манекен,
Деревянный, суставчатый, весь на шарнирах,
Откровенный как правда, в зияющих дырах
На местах сочленений локтей и колен.

Пахнет пылью и тленом, пахнет скипидаром —
Живописец уже натянул полотно.
Кем ты станешь, натурщик? Не все ли равно,
Если ты неживой и позируешь даром.

Ах, не все ли равно. Подмалевок лилов,
Черный контур клубится под кистью шершавой,
Кисть в союзе с кредитками, краска —
со славой,
Нет для смежных искусств у поэзии слов.

Кто хозяин твой: гений, бездарность,
халтурщик?

Я молве-клеветнице его не предам,
Потому что из глины был создан Адам,
Ты — подобье Адама, бесплатный натурщик.

Кто я сам, если плачут и ходят окрест
На шарнирах и в дырах пространство и время,
Многозвездный венец возлагают на темя
И на слабые плечи — пророческий крест?

Мне другие мерещатся тени,
Мне другая поет нищета:
Переплетчик забыл о шагреню,
И красильщик не красит холста,

И кузнечная музыка — счетом
На три четверти в три молотка —
Не проявится за поворотом
Перед выездом из городка,

За коклюшки свои кружевница
Под окном не садится с утра,
И лудильщик, цыганская птица,
Не чадит кислотой у костра,

Златобит молоток свой забросил,
Златошвейная кончилась нить.
Наблюдать умиранье ремесел —
Все равно что себя хоронить.

И уже электронная лира,
От своих программистов тайком,
Сочиняет стихи Кантемира,
Чтобы собственным кончить стихом.

ШИПОВНИК

Г. О-Т.

Я завещаю вам шиповник,
Весь полный света, как фонарь,
Июньских бабочек письмовник,
Задворков праздничный словарь.

Едва калитку отворяли,
В его корзине сам собой,
Как струны в запертом рояле,
Гудел и звякал разнóбой.

Там, по ступеням светотени,
Прямыми крыльями стуча,
Сновала радуга видений
И вдоль и поперек луча.

Был очевиден и понятен
Пространства замкнутого шар —
Сплетенье линий, лепет пятен,
Мельканье брачующихся пар.

●

По такому белому снегу
Белый ангел альфу-омегу
Мог бы крыльями написать
И лебяжью смертную негу
Ниспослать мне как благодать.

Но и в этом снежном застое
Еле слышно о непокое
Сосны черные говорят:
Накипает под их корою
Сумасшедший слезный разлад.

Верхней ветви — семь верст до неба,
Нищей птице — ни крошки хлеба,
Сердцу — будто игла насквозь;
Велика ли его потреба —
Лишь бы небо впору пришлось.

А по тем снегам из-за бога
Наплывает гулом тревога,
И, чужда себе, предо мной
Жизнь земная — моя дорога —
Бредит под своей сединой.

●

А все-таки я не истец,
Меня и на земле кормили:
— Налей ему прокисших щец,
Остатки на помойку вылей.

Всему свой срок и свой конец,
А все-таки меня любили:
Одна: «Прощай!» — и под венец,
Другая крепко спит в могиле,

А третья у чужих сердец
По малой капле слез и смеха
Берет и складывает эхо,
И я должник, а не истец.

ПОЭТ

Жил на свете рыцарь бедный...

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье
У поэта нечто птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задерганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,

В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой из пике.

Оперенный рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, —
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Черный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лёту брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди, как попало, —
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

ПАМЯТИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

I

СТИРКА БЕЛЬЯ

Марина стирает белье.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки ее
Швыряют на голую стену.

Белье выжимает. Окно —
На улицу настезь, и платье
Развешивает.

Все равно.
Пусть видят и это распятье.

Гудит самолет за окном,
По тазу расходится пена,
Впервой надрывается днем
Воздушной тревоги сирена.

От серого платья в окне
Темнеют четыре аршина
До двери.

Как в речке на дне —
В зеленых потемках Марина.

Два месяца ровно со лба
Отбрасывать пряди упрямо,
А дальше хозяйка — судьба,
И переупрямит над Камой..

II

Я слышу, я не сплю, зовешь меня, Марина,
Поешь, Марина, мне, крылом грозишь, Марина,
Как трубы ангелов над городом поют,
И только горечью твоей неисцелимой
Наш хлеб отравленный возьмешь на Страшный суд,
Как брали прах родной у стен Иерусалима
Изгнанники, когда псалмы слагал Давид.
И враг шатры свои раскинул на Сионе.
А у меня в ушах твой смертный зов стоит,
За черным облаком твое крыло горит
Огнем пророческим на диком небосклоне.

III

Друзья, правдолюбцы, хозяева
Продутых смертями времен,
Что вам прочитала Цветаева,
Придя со своих похорон?
Присыпаны глиною волосы,
И глины желтее рука,
И стало так тихо, что голоса
Не слышал я издалека.
Быть может, его назначение
Лишь в том, чтобы, встав на носки,
Без раздыху взять ударение
На горке нечетной строки.

Какие над Камой последние
Слова ей на память пришли
В ту горькую, все еще летнюю,
Горючую пору земли,

Солдат на войну провожающей
И вдовой, как рódная мать,
Земли, у которой была еще
Повадка чужих не ласкать?

Всем клином, всей вашей державою
Вы там, за последней чертой
Со всей вашей правдой неправою
И праведной неправотою.

IV

КАК ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА ТОМУ НАЗАД

И что ни человек, то смерть, и что ни
Былинка, то в огонь и под каблук,
Но мне и в этом скрежете и стоне
Другая смерть слышнее всех разлук.

Зачем — стрела — я не сгорел на лоне
Пожарища? Зачем свой полукруг
Не завершил? Зачем я на ладони
Жизнь, как стрижа, держу? Где лучший друг,

Где божество мое, где ангел гнева
И праведности? Справа кровь и слева
Кровь. Но твоя, бескровная, стократ
Смертельней.

Я отброшен тетивою
Войны, и глаз твоих я не закрою.
И чем я виноват, чем виноват?

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА

Не речи, —

нет, я не хочу
 Твоих сокровищ — клятв и плачей. —
 Пера я не переучу
 И горла не переиначу, —

Не смелостью пред смертью, —
ты

Все замыслы довоплотила
 В свои тетради до черты,
 Где кончились твои чернила, —

Не первородству, —

я отдам
 Свое, чтобы тебе по праву
 На лишний день вручили там,
 В земле, — твою земную славу, —

Не дерзости твоих страстей

И не тому, что все едино,
 А только памяти твоей
 Из гроба научи, Марина!

Как я боюсь тебя забыть
 И променять в одно мгновенье
 Прямую фосфорную нить
 На удвоенье, утроенье
 Рифм —

и в твоём стихотвореньи
 Тебя опять похоронить.

ПАМЯТИ Н. ЗАБОЛОЦКОГО

I

МОГИЛА ПОЭТА

За мертвым сиротливо и пугливо
Душа тянулась из последних сил,
Но мне была бессмертьем перспектива
В минувшем исчезающих могил.

Листва, трава — все было слишком живо,
Как будто лупу кто-то положил
На этот мир смущенного порыва,
На эту сеть пульсирующих жил.

Вернулся я домой и вымыл руки,
И лег, закрыв глаза. И в смутном звуке,
Проникшем в комнату из-за окна,

И в сумерках, нависших как в предгрозье,
Без всякого бессмертья, в грубой прозе
И наготе стояла смерть одна.

II

Венков еловых птичьих лапки
В снегу остались от живых.
Твоя могила в белой шапке,
Как царь, проходит мимо них.
Туда, к распахнутым воротам,
Где ты не прах, не человек,

И в облаках за поворотом
Восходит снежный твой ковчег.

Не человек, а череп века,
Его чело, язык и медь.

Заката огненное веко
Не может в небе догореть.

ПАМЯТИ А. АХМАТОВОЙ

I

Стелил я снежную постель,
Луга и рощи обезглавил,
К твоим ногам прильнуть заставил
Сладчайший лавр, горчайший хмель.

Но марта не сменил апрель
На страже росписей и правил.
Я памятник тебе поставил
На самой слезной из земель.

Под небом северным стою
Пред белой, бедной, непокорной
Твоею высотой горной

И сам себя не узнаю,
Один, один в рубахе черной
В твоём грядущем, как в раю.

II

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смиренное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять — не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен
И разве что — в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомовной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.

III

Домой, домой, домой,
Под сосны в Комарове...
О, смертный ангел мой
С венками в изголовье,
В косынке кружевной,
С крылами наготове!

Как для деревьев снег,
Так для земли не бремя
Открытый твой ковчег,
Плывущий перед всеми

Что же видят незримые взоры
Недоверчивых светлых глаз?
Раздвигающиеся створы
Верст и зим иль костер, который
Заклучает в объяття нас?

V

И эту тень я проводил в дорогу
Последнюю — к последнему порогу,
И два крыла у тени за спиной,
Как два луча, померкли понемногу.

И год прошел по кругу стороной.
Зима трубит из просеки лесной.
Нестройным звоном отвечает рогу
Карельских сосен морок слюдяной.

Что, если память вне земных условий
Бессильна день восстановить в ночи?
Что, если тень, покинув землю, в слове
Не пьет бессмертья?

Сердце, замолчи,
Не лги, глотни еще немного крови,
Благослови рассветные лучи.

РУКОПИСЬ

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог,
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.

Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог
Благословляет и клянет пророк,
На ангелов ходивший в одиночку.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я пел со всеми вместе

И не покину пиршества живых —
Прямой гербовник их семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.

5 М. Синельников. Предисловие

ПОЭЗИЯ ГРУЗИИ

(Переводы)

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

- 9 Царь Давид Строитель
10 ● Воздадим хвалу героям...
12 Смелый воин
14 В яму высыпал я просо
14 Истребление князей Арешидзе
21 О царе Ираклии
22 ● По Самгори — полю чистому..
23 ● Кто твой муж?..
25 ● Я иду по степи Ширакской..
25 Надури
27 Плуговая

ГРУЗИНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Григол Орбелиани

- 29 Лик царицы Тамары в Бетанийском монастыре
32 Плачущей Нине Чавчавадзе

Илья Чавчавадзе

- 33 На чужбине
33 ● Женщина прекрасная со мною..
34 ● Юность, где сладость твоя?..
35 ● Под бременем печали изнывая..
35 ● Пустую жизнь без вдохновения..
36 ● Темно вокруг, и на душе темно..
36 Несколько картин, или случай из жизни разбойника

Рафизл Эривани

- 56 Думы Сэсиа

Важа Пшавела

- 57 За горой засветился месяц

- 58 Расцветают весной фиалки
58 Вот пришла и эта весна
59 Ворон ворона окликает
60 Арагве
62 Застольная
62 Вестник
64 Жалоба дударя
65 Орел
65 Где ты, мой орел?
66 Был в горах...
67 Старый лев
69 Что, река, рычишь мне в уши?
70 Александру Казбеги
71 Молодым поэтам
73 Весна
75 Бакури
77 Вопросы и ответы
80 Разъясните фиалке нежной...
81 Жалоба воина
83 Старинная песня воинов
85 Пригляжусь я к себе
86 Горам
90 Для чего я жил на свете?..
91 В горах
100 Песня старика
101 Были мы в горах
103 Раздел добычи
105 То, что видел я когда-то...
107 Тени Руставели

ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

- Сандро Шаншиашвили**
109 К пьесе Ш. Даднани «Вчерашние»

- Сандро Эули**
110 Мать

- Галактион Табидзе**
112 Что не покрывается забвеньем

- Георгий Леонидзе**
113 Самгорцы
114 Заветное

Симон Чиковани

- 115 Тень отца
116 Пора сенокоса
117 Старая чинара
118 Из книги «Осенняя тетрадь»
126 Армазские видения

Карло Каладзе

- 131 Камень
132 Паоло и Тициан
134 Важа Пшавела на празднестве народном
142 Даиси

Ираклий Абашидзе

- 149 Голос у Голгофы
153 ● Хожу я..
155 Половина, отданная вам
156 Начало стихотворения

Григол Абашидзе

- 156 Град
158 Ни дождями, ни вихрем
159 Даркветская луна
160 Правителю Дзезаху
162 Знамена
165 Тбилиси
165 Золотой виноградник
166 У матери
167 Ласточка и море
168 Бессмертие
168 ● Пускай безумец буду я для мира...

Реваз Маргиани

- 169 Орлы
172 Реради
173 Гимн заходящему солнцу
174 Ойда нанаила
177 Иавкалти
178 В покинутом доме

Иосиф Нонешвили

- 180 Кетевана Иремадзе
181 Защитнику Родины
182 Два стихотворения Лейле

- 184 Анна Каландадзе
Омар Хайам
- 186 Михаил Квливидзе
Море
- 187 «До востребования»

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

- 189 К стихам
- 190 Ласточки
- 191 Эсхил
- 192 Цейский ледник
- 193 Мельница в Даргавском ущелье
- 193 Дагестан
- 194 ● Ты, что бабочкой черной и белой...
- 195 Дождь в Тбилиси
- 196 ● То были капли дождевые...
- 197 ● Если б, как прежде, я был горделив...
- 197 ● С утра я тебя дожидался вчера...
- 198 ● Я боюсь, что слишком поздно...
- 199 Перед листопадом
- 200 ● Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке...
- 200 ● Снова я на чужом языке...
- 201 Первые свидания
- 203 ● Вечерний, сизокрылый...
- 203 ● Сирени вы, сирени...
- 204 Ветер
- 205 ● Пока еще последние колена...
- 206 ● Вот и лето прошло...
- 207 Песня
- 208 ● Что ты бредишь, глазной хрусталик?..
- 208 Звездный каталог
- 209 Степная дудка
- 212 Телец, Орион, Большой Пес
- 213 ● Земля сама себя глотает...
- 214 Стихи из детской тетради
- 216 Суббота, 21 июня
- 217 Полевой госпиталь
- 219 Проводы
- 220 ● Хорошо мне в теплушке...
- 221 ● Стояла батарея за этим вот холмом...
- 221 Земля
- 222 ● Я в детстве заболел...

- 223 ● А в доме у Тарковских...
- 224 ● Тогда еще не воевали с Германией..
- 224 Зуммер
- 225 Поздняя зрелость
- 226 На берегу
- 227 Дерево Жанны
- 229 Анжело Секки
- 230 Земное
- 230 ● Пускай меня простит Винсент Ван-Гог...
- 231 ● Я учился траве, раскрывая тетрадь..
- 232 Явь и речь
- 233 Рифма
- 234 Ода
- 235 ● Подложи мне под голову руку..
- 236 До стихов
- 236 ● О, только бы привстать, опомниться, очнуться..
- 237 Деревья
- 240 Верблюды
- 241 Надпись на книге
- 242 Малютка жизнь
- 242 ● Пляшет перед звездами звезда...
- 243 Жизнь, жизнь...
- 244 Новогодняя ночь
- 246 Загадка с разгадкой
- 247 ● И я ниоткуда..
- 248 ● Струнам счет ведут на лире..
- 249 Сны
- 250 ● Если правду сказать...
- 251 Дождь
- 252 Словарь
- 253 Посредине мира
- 253 Титания
- 254 Мщение Ахилла
- 255 Эвридика
- 257 Кора
- 257 Флейта
- 258 Бедный рыбак
- 259 Оливы
- 260 ● Красный фонарик стоит на снегу...
- 260 ● Меркнет зрение...
- 261 ● Разобрал головоломку...
- 262 Манекен
- 263 ● Мне другие мерещатся тени...
- 264 Шиповник

- 265 ● По такому белому снегу...
265 ● А все-таки я не истец...
266 Поэт
268 Памяти М. Цветаевой
272 Памяти Н. Заболоцкого
273 Памяти А. Ахматовой
277 Рукопись

ТАРКОВСКИЙ АРСЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ВОЛШЕБНЫЕ ГОРЫ

Редактор **А. Перим**
Художник **Е. Пирцхалайшвили**
Художественный редактор **А. Сарчимелидзе**
Технический редактор **А. Якимова**
Корректор **Э. Урушадзе**

ИБ — 129

Сдано в набор 24.03.1978. Подписано в печать 13.09.1978.
Формат 70×108^{1/2} Буб. тип. № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл.-печ. л. 12, 425. Уч. изд. л. 10,76,
Тираж 15.000 экз. Заказ № 1172.

Цена 1 руб. 20 коп.

Издательство «Мерани». Тбилиси, пр. Руставели, 42.
Тбилисская книжная фабрика. Тбилиси, пр. Дружбы, 7.

არსენი ალექსანდრეს ძე ტარკოვსკი

ჯადოვნური მთები

(რუსულ ენაზე)